

На правах рукописи

Молодыхенко Евгений Николаевич

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ЖАНРОВОМ, РЕПРЕЗЕНТАТИВНОМ И
МЕТАПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ: АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ЛАЙФСТАЙЛ-ДИСКУРСА И ДИСКУРСА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКИ**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2023

Работа выполнена в департаменте иностранных языков Санкт-Петербургского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Научный консультант: **Чернявская Валерия Евгеньевна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Борисова Елена Георгиевна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры германистики и лингводидактики института
иностраных языков ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

Буторина Елена Петровна,
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Чемодурова Зинаида Марковна,
доктор филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой английского языка и лингвострановедения
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

Защита диссертации состоится 07 февраля 2024 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 72.2.007.09 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129626, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpi.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Э. В. Нерсесова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В реферируемой работе предлагается текстоориентированный анализ дискурсивных практик, рассматривающий акциональный и репрезентативный аспекты оформления текстов, входящих в такие практики, и результирующую из этих аспектов метапрагматику. Дискурсивная практика понимается как социальная практика в ее речевом оформлении, т. е. как массив соотносимых с социальной практикой текстов. В связи с этим анализ дискурсивной практики является анализом не только ее дискурсивного компонента, т. е. конкретных речевых и актуализируемых языковых средств, но и анализом релевантных недискурсивных компонентов такой практики.

Текстоориентированный анализ дискурсивной практики ставит перед собой задачу объяснения системности содержательно-тематического, композиционного и лексико-грамматического оформления текстов в их связи с переменными контекста ситуации, контекста самой дискурсивной практики и более широкого социокультурного контекста. В таком анализе следует исходить из реализации любым текстом как минимум двух функций одновременно — кодирования и трансляции некоторого содержания и материализации некоторого социального действия и существующих и/или возникающих между коммуникантами социальных отношений. В связи с этим речевая структура текста должна рассматриваться как востребующая языковые средства разных уровней, выполняющие обе указанные функции. Комплексный эффект текстов следует рассматривать как «холистическую» репрезентацию (в когнитивном смысле), формирующуюся у коммуникантов не только из закодированного в тексте содержания, но и благодаря актуализируемым в коммуникативном событии представлениям о том, какое социальное действие реализуется текстом, а также под влиянием иных релевантных переменных контекста. Такая репрезентация должна рассматриваться в рамках метапрагматики и, соответственно, позиционироваться как метапрагматика текста.

Теоретическую базу исследования составили работы по жанроведению [Askehave, Swales 2001; Bhatia 1993, Bhatia 2015; Briggs, Bauman 1992; Devitt 2009; Devitt 2015; Devitt 2015; Hanks 1987; Hyland 2002; Miller 1984; Moreno, Swales 2018; Rose 2012; Swales 1990; Virtanen 2010; Бахтин 1986; Деметьев 2010, Кожина 1999; Салимовский 2002; Седов 1998; Шмелева 1997]; по лингвистике текста [de Beaugrande, Dressler 1981; Martin, Rose 2007; van Dijk 1980; Гальперин 2006; Тураева 1986, Щирова, Гончарова 2006]; по общей теории дискурса [Blommaert 2005; Fairclough 1989; Fairclough 1992; Jäger 2001; Jørgensen, Phillips 2002; Laclau, Mouffe 2001; Montgomery, Allan 1992; Scollon, Scollon 2004; Пеше 1999b; Фуко 2004; Серно 1999] и дискурс-анализу [Blommaert 2005; Fairclough 2003; Jäger 2001; Spitzmüller, Warnke 2011; van Dijk 1995; van Dijk 2006a; Wodak 2001; Lemke 1995; van Leeuwen 2008, Иссерс 2008; Шейгал 2000]; по критической лингвистике [Fowler et al. 1979; Hodge, Kress 1979; Fowler 1991]; по (функциональной) стилистике [Гочарова 1999; Гочарова 2003, Кожина 2004; Баженова, Котюрова 2016; Клушина 2011] и в области исследования регистров [Biber et al. 2002; Biber, Barbieri 2007; Biber, Conrad 2012; Lee 2001]; по социолингвистике и лингвистической антропологии [Agha 2005; Agha 2007b; Blommaert 2005; Blommaert 2015; Coupland 2007; Eckert 2008; Eckert 2012; Spitzmüller 2015; Silverstein 1976;

Silverstein 1992; Silverstein 1993; Silverstein 1987; Silverstein 2003; Карасик, Дмитриева 2005; Крысин 2001; Крысин 2004]; по лингвистической прагматике [Норман 2009; Auer 2009; Verschueren 1999; Levinson 1983; Mey 1985]; по функциональной грамматике [Halliday, Matthiessen 1999; Halliday, Matthiessen 2004; Lemke 1995; Martin, White 2005; Martin, Rose 2007]; по лингвистической прагматике [Verschueren 1999; Levinson 1983, Mey 1985; Норман 2009]; по лингвистической аксиологии [Martin, White 2005; Martin, Rose 2007; Вольф 2014; Серебренникова 2011].

Актуальность диссертационного исследования определяется, во-первых, общей установкой современной лингвистики на анализ речевых структур в контексте, функционирующих в составе дискурсивных практик, и в связи с этим на рассмотрение характеристик таких структур и практик как определяемых различными переменными контекста ситуации и контекста культуры как в процессе порождения, так и в процессе восприятия. Во-вторых, особую актуальность имеют исследования дискурсивных практик, реализуемых благодаря современным цифровым платформам. В-третьих, актуальность обусловлена необходимостью интеграции в единую модель теоретических и эмпирических описаний различных речевых и языковых системностей, соотносимых с различными категориями лингвистического анализа и/или разными переменными контекста, что позволяет объяснять специфику функционирования текстов. Использование такой модели объясняет взаимодействие различных речевых системностей в пределах текста как предпосылку возникновения потенциально обусловленного таким взаимодействием целостного коммуникативного эффекта, включая так называемый персуазивный эффект. В-четвертых, актуальна метапрагматическая перспектива изучения языковых явлений вообще и отдельных текстов в частности. Такая перспектива рассматривается как одно из наиболее приоритетных направлений современных лингвистических исследований, занимающихся изучением функционирования языка и речи в реальных практиках.

В диссертации учтены основные результаты исследований языковых и речевых феноменов в западноевропейских и американских научных школах в области критического дискурс-анализа, системной функциональной лингвистики, социолингвистики и лингвистической антропологии, не всегда интегрируемые в объяснительные подходы в российском научном пространстве.

Объектом анализа являются англоязычные тексты дискурсивной практики лайфстайл и тексты политической риторики американских президентов.

Предмет изучения — композиционное и лексико-грамматическое оформление текстов в акциональном, репрезентативном и метапрагматическом аспектах, каждый из которых предполагает аналитический взгляд на текст и его речевые системности как детерминированные переменными контекста коммуникативной ситуации, контекста дискурсивной и социальной практики и контекста культуры.

Цель предпринимаемого исследования состоит в формулировании теоретической модели, задающей направления для контекстуально-обусловленных исследований речевой структуры, и в ее верификации путем анализа текстов, принадлежащих к двум выбранным в качестве объекта исследования дискурсивным практикам.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие приоритетные задачи:

1. описать речевую структуру как ламинирующую два вида системностей — акциональную и репрезентативную, обусловленные разными параметрами контекста и обуславливающие разные аспекты функционирования текста в контексте;
2. уточнить содержание понятия «метапрагматика» и продемонстрировать его объяснительные возможности для анализа комплексного эффекта текстов;
3. обосновать предлагаемую демаркацию интерпретаций категории «дискурс», исходя из выбора перспективы дискурсивной практики как основного фокуса исследования;
4. представить системное описание параметров контекста, релевантных для исследований дискурсивной практики, с одной стороны, и текстов в составе этих практик как обусловленных этими переменными, с другой;
5. обосновать статус дискурса-репрезентации как абстрагируемой модели, локализуемой в широком социокультурном контексте, а также выделить подвиды речевой системности, являющиеся способами актуализации такой модели в речевой структуре текста;
6. обосновать статус жанра как абстрагируемой модели, локализуемой на уровне контекста ситуации и контекста дискурсивной практики, а также выделить подвиды речевой системности, являющиеся способами актуализации такой модели в речевой структуре текста;
7. выделить и описать ключевые принципы функционирования комплексных дискурсивных практик, характеризующихся доминированием коммуникации, опосредованной цифровыми платформами;
8. изучить и представить научное описание дискурсивной практики лайфстайл в терминах акциональной и репрезентативной системностей и потенциального и фактического вклада этих системностей в метапрагматические репрезентации текстов данной практики, а также в ракурсе глобальных социокультурных изменений последних десятилетий с особым акцентом на культуре потребления и цифровых коммуникативных технологиях.
9. изучить и представить научное описание дискурсивной практики американской президентской риторики в терминах акциональной и репрезентативной системностей и их потенциального вклада в комплексные метапрагматические репрезентации текстов, рассматриваемых через призму их потенциального персуазивного эффекта.

Материалом исследования послужили тексты практики лайфстайл (в общей сложности изучено 1000 видеороликов, средней продолжительностью 8 минут, 3000 комментариев к ним и 200 текстов статей в письменном модусе) и тексты практики американской президентской риторики, включающую речи американских президентов в период с 1961 по 2017 гг. (в общей сложности 170 текстов публичных речей и транскриптов пресс-конференций).

Для решения поставленных задач, во-первых, использовались **методы** сравнительно-сопоставительного анализ литературы и обобщения и синтеза теоретических концепций. Во-вторых, для решения эмпирических задач

использовались **методы** интерпретативного анализа текста, ведущим из которых является индуктивно-дедуктивный.

Использование индуктивно-дедуктивного метода предполагало то, что модели жанров, дискурсов-репрезентаций и более частные семантические паттерны различного уровня абстракции реконструировались по индуктивному пути посредством обобщения характеристик конкретных жанровых экземпляров и текстов, реализующих фрагменты дискурсов-репрезентаций; дедуктивный путь иллюстрируется тем, что для выявленных ранее абстрагированных моделей и паттернов различной природы осуществлялся поиск конкретных реализаций в новых экземплярах, добавляемых к текстовому массиву, в комбинации с потенциальным возвратом к индуктивному методу в случае обнаружения конкретных результатов, не подтверждающих ранее выделенные модели и паттерны и/или требующих их корректировки.

Применяемая методика интерпретативного текстоориентированного анализ дискурсивных практик предполагает использование релевантного инструментария в зависимости от конкретной задачи и выбранного экземпляра и/или массива. К частным инструментам такого анализа, использованным в диссертационной работе, относятся:

- выявление семантических паттернов разного уровня абстракции для идентификации и описания (а) коммуникативных ходов, реализующих жанровые схематические структуры, (б) типичных паттернов, входящих в и/или образующих дискурс-репрезентацию, (в) ценностей, входящих в дискурс-репрезентацию;
- исследование актантной структуры текстов, включая номинализации;
- лингвоаксиологический анализ по модели Appraisal [Martin, White 2005] в разрезе используемых типов оценки, ее эксплицитности и имплицитности и актуализируемых ценностей;
- анализ диалогического аспекта текста по модели Appraisal [Martin, White 2005];
- исследование разнообразных средств лексико-грамматического и структурного оформления текстов, интерпретируемых как потенциальные средства прагматического фокусирования его смысловых доминант;
- исследование используемых метафор и актуализируемых метафорических моделей;
- исследование логических связей между отдельными предикациями в составе комплексов (сложных предложений) и целых текстов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дискурс-репрезентация рассматривается как ключевая категория осмысления в результативном и транситуативном аспекте процесса репрезентации (отражения) и/или конструирования текстом некоторого фрагмента экстралингвистической реальности. Дискурс-репрезентация является абстрагированной идеальной моделью артикуляции фрагментов мира и их различных элементов через установление семантических связей между их семиотическими репрезентациями и через ее фиксацию в виде обобщенных семантических паттернов, актуализируемых конкретными лексико-грамматическими структурами в текстах, входящих в дискурсивные практики.

2. Жанр рассматривается как ключевая категория осмысления в результативном и транситуативном аспекте процесса использования текста как инструмента социального (взаимо)действия. Жанр является абстрагированной идеальной моделью формулирования текстов, связанной диалогическими отношениями со специфическими ситуативными контекстами, предписывающими субъектам определенные формы коммуникативной деятельности. В основе жанровой модели лежит относительно упорядоченный, обобщенный набор коммуникативных ходов и шагов, образующих композиционную структуру текста как жанрового экземпляра, на которую ламинируются семантические паттерны, соотносимые с некоторым дискурсом-репрезентацией.

3. Комплексный эффект текста следует рассматривать как метапрагматическую репрезентацию, включающую рефлексивное отношение автора и реципиента к тексту и используемым в нем средствам формулирования в конкретном контексте. Метапрагматическая репрезентация текста также является результатом кумулятивного вклада акциональной и репрезентативной системностей, ламинируемых в его речевой структуре, всегда одновременно реализующей акциональную функцию оформления социального (взаимо)действия и репрезентативную функцию отражения и/или конструирования некоторого фрагмента реальности.

4. Специфика текста в дискурсивной практике лайфстайл определяется особенностями функционирования практики, сложившимися под влиянием совокупности социокультурных факторов и используемых коммуникативных технологий. Метапрагматика текста в такой практике определяется не только акциональным и репрезентативным аспектом речевой структуры, но и формулируемыми ответными текстами, возможность создания которых обусловлена современной цифровой средой. Такие ответные тексты являются способом материализации метапрагматических знаний, циркулирующих в дискурсивных сообществах, и метапрагматической осведомленности, которую коммуниканты демонстрируют по отношению к исходному тексту, включая метапрагматические акты, отражающие особенности акционального аспекта текстов дискурсивной практики.

5. Ключевым жанром дискурсивной практики лайфстайл является лайфстайл-инструкция. В жанровых экземплярах лайфстайл-инструкции ламинируется инструктирующая жанровая форма и содержание, соотносимое с дискурсом консьюмеризма, что определяет как потенциальную, так и фактическую, т. е. отражаемую ответными текстами, метапрагматику таких экземпляров. Идеальная модель жанра лайфстайл-инструкции образуется двумя основными коммуникативными ходами — инструктирующим и мотивационным.

6. Дискурс консьюмеризма является метадискурсом, инкорпорирующим несколько дискурсов, тематической основой которого является представление об объектах и практиках как способах целенаправленного конструирования идентичности и о необходимости активных действий со стороны индивида для достижения идеального имиджа. Механизмом функционирования дискурса консьюмеризма являются метасемiotические проекты (стратегии) вида «знак-идентичность»: тексты, соотносимые с дискурсом, реализуют стратегию уподобления разнородных объектов-

знаков в их способности выражать определенную форму идентичности, фиксируемую одним из типичных для дискурса метасемiotических терминов.

7. В разновидности американской президентской риторики, апеллирующей к дискурсу глобального антагонизма, ключевым жанром является конфронтационная речь. Идеальная модель данного жанра образуется двумя основными коммуникативными ходами — описанием разворачивающегося и/или планируемого ответного действия группы «своих» по отношению к группе «чужих» и легитимирующим коммуникативным ходом, акцентирующим неотвратимость ответных действий. Коммуникативный ход констатации и описания ответных действий комбинируется с коммуникативными ходами обещания или угрозы, если реализация действия находится в зоне ответственности и/или под контролем ядра группы «своих», и просьбы или требования, если реализация действия находится в зоне ответственности и/или под контролем других членов группы «своих» и «группы» чужих соответственно.

8. Дискурс глобального антагонизма является метадискурсом, в основе которого лежит наиболее общее представление о биполярном мире. Его ключевым дискурсом является дискурс врага, отражаемый представлением о существовании группы врагов, перманентно враждебной к группе «своих». Механизмами репрезентации врага в рамках такого дискурса является реализуемая в текстах стратегия отождествления разных субъектов и связанных с ними феноменов под общим типизирующим знаменателем «враг» (“enemy”) и актуализация семантических паттернов репрезентации врага как представляющего реальную угрозу для группы «своих» и являющегося гиперболизировано кровожадным и неадекватным.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

– разработана комплексная, применимая для исследования различных дискурсивных практик модель функционирования текста в контексте коммуникативного события, контексте самой практики и контексте культуры, призванная акцентировать детерминированность речевых системностей параметрами таких контекстов, с одной стороны, и детерминированность комплексного эффекта текстов такими речевыми системностями, с другой;

– систематизированы теоретические представления о метапрагматике и метапрагматическом измерении коммуникации с целью их интеграции в дискурс-аналитическое исследование как способа осмысления целостного эффекта текстов, результирующего из ламинирования различных речевых системностей и взаимодействия такого текста с контекстом;

– на основе предложенной модели разработана новая комплексная, потенциально применимая в изучении различных дискурсивных практик дискурс-аналитическая методология анализа текстов, включающая одновременное исследование их акциональных и репрезентативных аспектов (а также их кумулятивного вклада в общую результирующую метапрагматику текста) как ламинируемых компонентов единой речевой структуры;

– разработан единый метаязык описания текстов с позиции комплексного дискурс-аналитического подхода путем синтеза различных теорий и методов таких направлений, как анализ жанров, критический дискурс-анализ, функциональная грамматика и лингвистическая антропология.

Новизна работы также обусловлена выбором материала исследования: впервые системно описаны две дискурсивные практики, характеризующиеся ярко выраженной ориентацией на тиражирование особых видений мира и демонстрирующие персуазивную интенциональность речевого оформления входящих в практику текстов, рассчитанных на массовую аудиторию. Выбранные практики оптимально иллюстрируют валидность и возможность применения предложенной объяснительной модели.

Теоретическое значение исследования определяется его вкладом в развитие базовых идей текстоориентированного дискурс-анализа, жанроведения и стилистики, разработкой проблематики, объединяющей данные дисциплины, и дальнейшим теоретическим осмыслением связей феноменов, изучаемых в рамках этих дисциплин, с различными лингвокультурными феноменами вообще и категориями гуманитарных наук. Разработанная модель функционирования текстов в составе практик и методология анализа текстов как компонентов практик позволяет выявлять и объяснять процесс производства и потенциальные эффекты разнообразных текстов, имеющих различное тематическое наполнение, различное речевое оформление и решающих различные задачи участников коммуникации, которыми такие тексты используются как инструменты социокультурной деятельности и — более конкретно — как (персуазивные) инструменты влияния на других участников коммуникации.

Практическое значение диссертации. Предложенная теоретическая модель ламинированной речевой структуры, комбинирующей разные виды системностей, соотносимых с различными категориями гуманитарных наук и разными переменными контекста, может быть использована в методиках преподавания, связанных с обучением написанию текстов, ориентированных на массовую аудиторию, а также в практике подготовки и написания подобных текстов. Основные положения исследования могут быть включены в курсы функциональной стилистики, жанроведения, медиакоммуникации, журналистики. Полученные результаты могут быть использованы при написании учебных пособий, курсовых работ и диссертаций по смежной тематике и при дальнейшей разработке теории и методов текстоориентированного дискурс-анализа.

Апробация работы. Основные результаты исследования были обсуждены на международных конференциях: «Язык и реальность: современные проблемы американистики и лингвистики» (Архангельск, ПГУ, 2009); «Век информационных технологий: новые подходы в американистике, лингвистике и лингводидактике» (Архангельск, ПГУ, 2010); «Мифы в культуре, науке, литературе и истории» (Архангельск, ПГУ, 2010); “Heimat-Region-Stadtkultur” (Галле, Германия, 2011); «Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты» (Санкт-Петербург, СПбПУ, 2015); «Взаимодействие интернета и стилистики, интернета и стилей» (Грац, Австрия, 2015); «Англистика XXI века. VIII Международная научно-методическая конференция» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2016); «Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация» (Санкт-Петербург, СПбПУ, 2017); “Failing Identities” (Льеж, Бельгия, 2018); “The 45th Annual LACUS Forum” (Бостон, США, 2018); «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, УГПУ, 2018);

«Настоящее и будущее стилистики» (Москва, МГУ, 2019); «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике» (Москва, МГИМО, 2019); «Сетевая коммуникация: новые форматы для науки, образования и продвигающих коммуникаций» (Санкт-Петербург, СПбПУ, 2020); «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (Москва, РУДН, 2020); «Социальная семиотика: точки роста» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2020); «II Международный форум языков и культур» (Красноярск, СФУ, 2021).

По теме диссертации опубликована 41 работа (общим объемом 43,5 п. л.), из них 17 статей — в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, из которых 10 также являются индексируемыми в международных реферативных базах данных Scopus и/или Web of Science.

Достоверность выводов исследования определяется:

– взаимосвязью опорных теоретических постулатов и эмпирического исследования, выбором методов исследования (дедуктивного и индуктивного методов, интерпретативного анализа текстов устных и письменных жанров различных дискурсивных практик, анализа лексико-грамматических структур с использованием инструментария функциональной грамматики, лингвоаксиологического анализа по модели Appraisal), адекватных поставленным целям;

– операционализацией ряда контекстуальных переменных путем привлечения релевантных теоретических и эмпирических работ, направленных на осмысление или анализ таких факторов;

– репрезентативностью эмпирической базы, сформированной на основе анализа массива текстов как устных, так и письменных жанров двух различных дискурсивных практик, и выявленными в результате проведенного анализа закономерностями;

– верификацией предложенной в работе модели функционирования текстов в дискурсивных практиках и методологии анализа таких текстов и практик с учетом реально выраженных дискурсивным сообществом метапрагматических актов;

Разработанная в диссертации методология анализа дискурсивных практик лайфстайл и американской президентской риторики учитывает актуальные представления теории дискурса и практики дискурс-анализа, лингвистики текста, стилистики, функциональной грамматики, жанроведения, исследования персуазивности, лингвистической аксиологии, социолингвистики и лингвистической антропологии и создана на основе анализа современных текстов, реализуемых в цифровом среде.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной литературы и списка источников иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, обоснованы его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приведены положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «Текст как ламинированная речевая структура в дискурсивной практике»** формулируется представление о тексте как о ламинированной речевой структуре, каждый из компонентов («слоев») которой соотносим с каким-либо параметром контекста.

Под параметризацией речевой структуры понимается выделение единиц как собственно речевого оформления, так и более глубинных семантических паттернов (и связанных с их актуализацией способов речевого оформления), которые могут быть ассоциированы с теми или иными выполняемыми ими функциями и/или некоторым параметром контекста.

Одним из возможных способов отсылки к изучению речи в инструментальном и/или контекстоориентированном ключе остается использование термина «прагматика». В рамках предлагаемых в настоящей работе рассуждений релевантны два аспекта понимания прагматики. Во-первых, под прагматикой элементов речевой структуры (в противовес семантике таких элементов) понимается ответ на два общих вопроса: каков вклад данного элемента в то, что «делает» коммуникант, используя текст в данном контексте, и/или в то, что «происходит» в данной коммуникативной ситуации (например, в плане развертывания социальных отношений между коммуникантами). Во-вторых, исследование того, что делает коммуникант, или того, что происходит в коммуникативном событии (прагматически ориентированное исследование) предполагает исследование взаимоотношения текста с контекстом и — шире — исследование дискурсивной практики вообще (также в ее соотношении с контекстом).

Такое более комплексное видение речевой составляющей коммуникативного события с точки зрения ее функционала и в рамках контекстуализации позволяет также утверждать, что при рассмотрении некоторого текста под прагматическим углом зрения мы имеем дело и с иным — более комплексным — смыслом, нежели тем, который будет выводим лишь из (денотативных) значений языковых единиц и — далее — семантики предложения и семантики текста. Такой интегративный смысл будем называть эффектом.

В ламинированной поверхностной структуре один и тот же сегментируемый по какому-либо принципу элемент или фрагмент текста одновременно выполняет референциальную/денотативную и прагматическую функцию, сигнализируя в разных функциональных режимах и семиотических модальностях. В основе семантической парадигмы лежит (традиционное) представление о языковых единицах как символах, их значениях как более-менее стабильных и, по крайней мере в тенденции, контекстуально независимых (при их рассмотрении на уровне «языковой системы»). Функционирования в прагматическом режиме объясняется функционированием сегментов текста как индексов, «указывающих» на какой-либо параметр контекста — актуализирующих или порождающих его [Silverstein 1976; Silverstein 1992; Silverstein 2003].

В отличие от денотативных (и коннотативных) значений языковых единиц, социальный смысл и прочие смыслы, актуализируемые или порождаемые индексальностью, часто не поддается типизации и вычленению его «инварианта» (того, что можно было бы назвать значением).

В случае «отрыва» индексов от (типичного) контекста порождения они, далее, часто подвержены изменениям своего значения по мере того, как они переосмысляются и переформулируются некоторой частью языкового коллектива. Такие процессы переформулирования будут рассматриваться как (этно)метапрагматические [Silverstein 2003].

Говоря о (мета)прагматическом смысле или эффекте, мы преимущественно говорим о целостном эффекте реального контекстуализированного текста, в котором прагматическая сегментация конкретных элементов не всегда является возможной вообще. Комплексный эффект текста, определяемый синергизмом элементов семантической и прагматической сегментации и его контекстом, описывается в данной работе как метапрагматика текста.

Под метапрагматикой текста, таким образом, понимается более или менее стабилизировавшаяся рефлексивная репрезентация (для конкретных коммуникантов) того, что происходит в данном акте коммуникации в различных его измерениях: что представляют из себя коммуниканты (их отношения, социальные роли и идентичности), что они делают посредством/в коммуникации, каковы их предполагаемые интенции, что они конкретно достигают в этом акте коммуникации и т. п. Такая репрезентация также должна направлять восприятие и интерпретацию содержательной (семантической) составляющей, включая способы текстовой репрезентации и конструирования (фрагмента) мира.

Такая репрезентация объединяет некоторым более или менее конгруэнтным образом различные прагматические эффекты отдельных элементов прагматической сегментации, которые располагаются на уровне собственно прагматики. Семантика (на первом уровне, на том же уровне, что и прагматика) интегрируется на метауровне в метапрагматику, поскольку комплексное холистическое представление о том, что «делают» коммуниканты, или о том, что «происходит» в данном акте коммуникации, должно включать и то, какое содержание формулируется в данном тексте, но при этом не быть сводимо к нему. В связи с этим метапрагматическая репрезентация является наиболее приоритетным и обоснованным уровнем рассмотрения как семантики целостного текста, так и его прагматики в разрезе эффекта таких контекстуализированных текстов в том числе и как части дискурсивной практики.

В более широкой перспективе метапрагматическая репрезентация является результатом реализации одного из видов метапрагматического акта, который в свою очередь является разновидностью металингвистического акта и — еще шире — разновидностью рефлексивности. Метасемантические акты следует рассматривать как реализующие рефлексии относительно (денотативных) значений, кодируемых и передаваемых при помощи языковых средств; типичным примером здесь является дефиниция слова. Метапрагматические же акты направлены на рефлексии и типизацию языковых и речевых элементов в прагматическом ключе.

Акцентируемое в настоящей работе интегрирование изучения метапрагматики в лингвистический аналитический инвентарь позиционируется как один из оптимальных способов изучения рецептивного аспекта (реализации) текста («дискурса 1»; см. ниже) и функционирования дискурсивных практик вообще, поскольку предполагает анализ метапрагматических актов, генерируемых реальными коммуникантами по поводу некоторых текстов в составе этой практики.

Одним из способов изучения метапрагматической осведомленности, метапрагматического знания и метапрагматики конкретных текстов является изучение метапрагматических актов, реализуемых группой субъектов, для которых рассматриваемое явление и процессы (например, соотносимость произносительных особенностей и социотипов) являются полностью или частично осознаваемыми.

Метапрагматические акты могут реализовываться целым классом языковых метапрагматических ресурсов разной степени эксплицитности и разной степени стандартизованности. В рамках настоящей работы рассматриваются как минимум следующие случаи.

Во-первых, референциальные индексы или индексальные слова — языковые формы, семантика которых зависит от актуализации определенной контекстуальной переменной (например, личные местоимения). Такие дейктические формы, так сказать, «заякоривают» речевую составляющую в определенном пространственно-временном и социальном контексте, включая ко-текст (например, местоимения в анафорической функции) и, среди прочего, демонстрируют рефлексивное отношение коммуниканта к продуцируемому им тексту как части коммуникативной ситуации.

Во-вторых, целый ряд более эксплицитных форм метапрагматической рефлексии автора текста по поводу этого (разворачивающегося) текста. Иллюстративным примером здесь могут служить перформативные формулы. Подобные формы суть лексические «ярлыки» метапрагматики текста (или его фрагмента), частью которого они являются (что так же, как и ранее, демонстрирует рефлексивное отношение коммуниканта к продуцируемому им тексту).

В-третьих, отсылка в пределах одного речевого события к (условно) внешним по отношению к нему коммуникативным событиям чаще всего отражает определенное их метапрагматическое осмысление. Здесь одной из наиболее иллюстративных категорий являются глаголы передачи чужой речи, названия речевых актов и — как утверждается в данной работе — названия жанров. Все подобные средства будем называть метапрагматическими терминами (МПТ).

В-четвертых, когда метапрагматика текста становится тематическим фокусом некоторого условно отдельного от него текста, таковой можно квалифицировать как метапрагматический. Примером метапрагматического текста может служить более или менее развернутое обсуждение некоторого текста в терминах «ярлыков», предположительно «схватывающих» его комплексную и наиболее релевантную для коммуниканта(-ов) метапрагматику, названных в предыдущем пункте (глаголов передачи чужой речи, номенклатуры речевых актов, жанровых или того, далее будет именоваться «околожанровыми» метапрагматическими терминами).

В рамках данного исследования и для решения поставленных в нем задач наиболее релевантным способом параметризации и анализа текста с точки зрения его

функционирования как в контексте коммуникативной ситуации, так и в дискурсивной практике и — шире — контексте культуры является рассмотрение речевой структуры как результата ламинирования двух ключевых видов системностей — акциональной, связываемой с категорией «жанр», и репрезентативной, связываемой с категорией «дискурс-репрезентация».

В Главе 2 «*Дискурс как способ репрезентации действительности и как ресурс реализации социальных практик*» более подробно рассматривается категория «дискурс» и формулируется представление о дискурсе как специфическом ресурсе изучения текста, дискурсе как дискурсивной практике и дискурсе как способе осмысления и конструирования реальности.

Одним из векторов определения дискурса в преимущественно лингвистических терминах является понимание, выводимое из противопоставления по линии «текст — дискурс». Под дискурсом («дискурсом 1»; [Чернявская 2009: 143]) в рамках такого противопоставления можно понимать (условно) отдельный текст, «погруженный в жизнь», или — иначе — уникальную конфигурацию речевой или — шире — семиотической структуры и контекста его порождения и/или восприятия. Иными словами, в таком понимании дискурса акцентируется особый ресурс рассмотрения текста, при котором в фокус внимания исследователя помимо собственно речевой структуры попадает (в различной степени) и коммуникативный процесс, «приводящий к образованию ... структуры» [Чернявская 2009: 135] (т. е. генеративный аспект), и/или процесс ее восприятия особым образом реципиентом, приводящий к формированию некоторой репрезентации таковой (т. е. рецептивный аспект), а также широкий круг элементов «экстралингвистического фона» [Там же: 135], для которых может быть продемонстрировано, что они в той или иной связи (пред)определяют специфику формулирования такой структуры (социокультурный аспект).

Другим исследовательским вектором является определение и аналитическое очерчивание границ дискурса по границам определенной социальной практики. Дискурсивная практика представляет собой социальную практику в ее речевом аспекте или — иначе — совокупность продуцируемых в данной практике текстов, которые являются одним из возможных инструментов ее реализации. Социальные практики, в свою очередь, можно определить как рутинизированные и типизируемые виды активности, привязанные к определенным временным и физическим локациям, в которых люди используют ресурсы (материальные и символические) для того, чтобы реализовывать некоторое коллективное действие. Практика, далее, представляет собой артикуляцию взаимообусловленных и дополняющих друг друга компонентов, одним из которых и является дискурс — речевая или семиотическая составляющая социальных практик [Chouliaraki, Fairclough 1999].

Таким образом, исследование дискурсивных практик может означать, что помимо анализа дискурса используются те или иные инструменты и способы анализа практики, которую он рефлексивует, и/или практики, компонентом которой дискурс является и в которой он используется как один из инструментов ее реализации. Две данные разновидности не образуют взаимоисключающие направления, и в рамках данного исследования используется комбинация данных процедур.

В обозначенных выше значениях дискурс («дискурс 1» и «дискурс 2»), однако, не отсылает ни к какому специфическому виду языковой или речевой системности, которая могла бы эксклюзивно соотноситься с категорией «дискурс» и не входила бы при этом в иные системности, вроде жанровой или стилистической. Для отсылки к такой «эксклюзивной» системности в рамках настоящей работы используется понимание дискурса, обозначаемое термином «дискурс-репрезентация» (или «дискурс 3»). Под дискурсом в данном случае будет пониматься специфический способ дискурсивного отражения и/или конструирования социальной реальности под определенным углом зрения, как правило, в какой-то мере выгодном определенной группе субъектов.

При использовании термина «дискурс» в любом из трех обозначенных смыслов акцент делается не только на речевой структуре, но ее взаимообусловленности контекстом в различных смыслах. Под контекстуализацией понимается процесс закоривания конкретного текстового экземпляра в уникальном контексте его производства и/или употребления [Auer 1992; Silverstein 1992]. В процессе контекстуализации текст как совокупность всех потенциальных смыслов, которые он вообще может иметь, «(ре)центрируется», что приводит к (относительной) фиксации семантики и прагматики данного текста для конкретного реципиента или группы реципиентов в данном конкретном коммуникативном эпизоде.

Термин «контекстуализация» (в отличие от статичного контекста), далее, акцентирует динамический и процессуальный характер называемого явления. При использовании термина «контекстуализация» подчеркивается то, что для фактических коммуникантов контекст является не «монолитным и однонаправленным» [Auer 1992: 21], но гибким и подвижным во времени. То, что актуально для контекстуализации в фазе «здесь и сейчас» разворачивающегося текста, может перестать быть таковым или изменить свою природу в следующей фазе этого же самого текста, «отменяя» или изменяя актуальность некоторого параметра контекста и/или вовлекая в интерпретацию новый(е).

Термин «локализация в контексте» подразумевает аналитический процесс определения, описания и обоснования релевантности некоторых переменных контекста, которые могли бы стать востребованы в процессе реальной контекстуализации. Данная процедура может быть нацелена на «моделирование» реальной контекстуализации (как, например, в работах по социолингвистике и лингвистической антропологии) или некоторой потенциальной контекстуализации без верификации и обсуждения ее реалистичности (как, например, в работах по дискурс-анализу).

При рассмотрении дискурса-репрезентации в данной работе будем также исходить из представления о том, что значение или смысл любого фрагмента реальности (а) конструируется социально и (б) определяется его отношением к другим фрагментам той же системы, с одной стороны, но при этом не является фиксированным, с другой [Laclau, Mouffe 2001: 106, 113].

При этом одним из инструментов установления и изменения отношений между элементами — или — иначе — артикуляции и реартикуляции позиционируются тексты и дискурсивные практики [Там же: 93].

Делимитация дискурсов в данном исследовании (и в дискурс-аналитических проектах вообще) осуществляется с опорой на теории и эмпирические данные, релевантные для объяснения недискурсивных компонентов исследуемых практик.

Основным принципом выделения дискурса являются макротемы. Макро-темы, далее, могут реализовываться в микротемах [Wodak 2001: 66, 79–83]. Фрагменты интересующего исследователя дискурса могут обнаруживаться в различных текстах (оформленных в различных жанрах) в разных дискурсивных практиках.

В различных версиях дискурс-анализа были разработаны различные термины и категории для обозначения повторяющихся семантических образований разного уровня обобщенности, типичных для определенных дискурсов-репрезентаций. В рамках данной работы для обозначения таких (разнородных; см. ниже) образований используется термин «семантический паттерн» [Lemke 1995: 35]. Так семантическим паттерном высокого уровня обобщения можно считать дискурсивные темы и подтемы, входящие в макротему дискурса и, соответственно, образующие этот дискурс.

Особенностью таких образований является то, что они отсылают к «семантическому слою» и не обязательно оформляются в разных текстах с использованием одних и тех же лексико-грамматических средств (хотя такое, безусловно, также не является редкостью). Иными словами, семантические паттерны включают схожие семантические отношения, выстраиваемые текстом между семантическими или тематическими единицами (что на поверхностном уровне выражается в установлении связей между конкретными словами), обнаруживаемые в разных текстах и/или в разных частях одного текста. Установление таких отношений между подобными единицами рассматривается как материализация процесса артикуляции, обсуждавшегося выше. Наиболее релевантным способом фактической фиксации семантических паттернов путем присвоения им некоторого «ярлыка» в процессе исследования видится использование лексико-грамматической конструкции в виде предикации или группы таковых («враг представляет угрозу для группы своих») или группы слов на основе существительного («угроза для группы своих», «беспопашадность врага»).

Выявление и описание семантических паттернов в свою очередь позиционируется как основной инструмент (а) делимитации и описания определенных дискурсов-репрезентаций и/или (б) их критического анализа, если под таковым понимать выявление потенциальных несоответствий между дискурсивным отражением и/или конструированием реальности и фактической реальностью (что часто фигурирует под терминами «тенденциозность», «идеологичность» или «идеологизированность», «манипулятивность» и т. п.

Рациональность, лежащая в основе изучения семантических паттернов и/или лексико-грамматического оформления речевой структуры в целях выявления особенностей репрезентации и/или конструирования фрагментов мира (как правило под критическим углом зрения), сводима как минимум к двум взаимосвязанным представлениям.

Первое из них формулируется как положение о том, что язык есть средство вариативной интерпретации действительности [Баранов, Паршин 1986]. Исходя из дискурсивных теорий, в том числе обозначенных ранее, язык и речь следует

рассматривать и как средство вариативного конструирования действительности. Вторая идея касается другой стороны коммуникативного контекста — контекста восприятия и интерпретации сообщения. Здесь можно исходить из представления о том, что то, как что-то формулируется, может влиять на то, как это «что-то» преобразуется в знание, исходя из которого индивиды организуют свою деятельность.

Многие из таких «фокусов языка» также рассматриваются как персуазивные и/или манипулятивные *par excellence*. В этом смысле теория дискурса и методы дискурс-анализа пересекаются с теорией и методами исследования персуазивности.

В Главе 3 *«Жанр как способ реализации акциональности и как ресурс оформления коммуникативного взаимодействия»* обсуждается статус жанра как основной категории осмысления и описания акционального измерения текста.

Под жанром в структурном смысле будет пониматься абстрактная модель речевого оформления типизируемого социального действия. Связь конкретного жанрового экземпляра с моделью актуализируемого жанра (моделями актуализируемых жанров) можно рассматривать как один из вариантов реализации принципа диалогичности (по М. М. Бахтину).

Ведущим основанием для типизации социального действия является связанный с этим действием усредненный ряд коммуникативных целей; ведущим основанием для типизации непосредственно формы является системность речевого оформления. Наиболее релевантным аспектом такой системности речевого оформления будем считать схематическую структуру («композиционное построение» по Бахтину) или — иначе — набор коммуникативных ходов.

Помимо соотнесения некоторого текста с некоторым социальным/и действием/ями, для исследований жанра в дискурсивном аспекте (по линии «дискурс 1» и «дискурс 2») важна не только специфика его речевого оформления, но и конкретные группы индивидов — дискурсивные сообщества [Swales 1990], оперирующие данным жанром, с их практиками и (метапрагматическими) знаниями. Изучение циркулирующих в дискурсивных сообществах представлений о жанрах является вариантом исследований метапрагматики (в различных определенных ранее смыслах).

Как и в случае с другими способами идентификации и описания (мета)прагматики текста (например, в случае с названиями речевых актов), выделение и анализ жанра как правило требует присвоения ему некоторого метапрагматического термина. Однако в каждом конкретном моменте времени может параллельно разворачиваться достаточно большое количество различных (типов) действий, реализуемых текстом, а также актуализироваться множество различных смыслов, не связанных напрямую с семантической составляющей текста (так называемых социальных смыслов). В такой ситуации присвоенный метапрагматический термин «схватит» только некоторые аспекты этого процесса. Иными словами, называя некоторый текст или его фрагмент определенным жанром, мы описываем самую важную и значительную (для текстоориентированного исследования), но только часть того, что вообще «происходит» в прагматическом измерении коммуникативного события, формирующегося на основе данного текста.

Одним из видов речевой системности, рассматриваемой как ламинирующуюся на жанровую и на репрезентативную, позиционируется оценочная системность текста.

При этом преимущественно с жанром связываются такие параметры оценки, как общая «насыщенность» текста оценкой, допустимые типы оценки (см. ниже) и ее категоричность/безапелляционность. Такие параметры, как аспект оценки и ценности, к которым ее маркеры апеллируют, рассматриваются как относимые преимущественно к дискурсу-репрезентации, поскольку они играют важную роль в репрезентации и конструировании некоторой практики и — шире — фрагмента мира под определенным углом зрения.

Один из вариантов теоретического осмысления оценки и типологизации ее различных проявлений — модель оценки Appraisal, разработанная Дж. Мартином и П. Уайтом [Martin, White 2005] в рамках системной функциональной лингвистики. В данной модели оценка рассматривается как система, реализующаяся широким спектром лексико-грамматических средств в трех взаимодействующих подсистемах: отношении (attitude), градуировании (graduation) и включении (engagement). Отношение в свою очередь подразделяется на три функционально-семантические области — аффект (affect), осуждение (judgement) и значимость (appreciation). Средства системы градуирования используются для интенсификации и деинтенсификации отношения. Третья подсистема — включение (engagement) — предполагает рассмотрение текста в диалогической перспективе (по М. М. Бахтину). Согласно такому представлению, текст, выражающий оценочную позицию, всегда апеллирует к другим текстам и дискурсам («дискурсу 2» и «дискурсу 3») и к другим мнениям и оценкам. Анализ средств включения позволяет описать как минимум два параметра. Во-первых, то, каким образом автор данного текста взаимодействует с другими авторами и их текстами. Во-вторых, интерпретировать закодированное в тексте представление об идеальном адресате и той оценочной позиции, которую ему предлагается принять.

В Главе 4 *«Лайфстайл-жанры в дискурсивной практике лайфстайл»* дается общее представление о функционировании текстов лайфстайл-жанров в рамках практики лайфстайл-журнализма и в соотношении с релевантными контекстуальными параметрами такой практики, а также в первом приближении рассматривается особенность дискурса консьюмеризма (аспект «репрезентация») в его ламинировании на жанровую системность текстов (аспект «акциональность»).

Практика лайфстайл может быть рассмотрена как набор различных медиа, реализуемых на базе современных коммуникативных технологий. Дискурс таких медиа посвящен обсуждению таких тем, как: стиль, мода, одежда; уход за собой («груминг»); декорирование жилища, обустройство интерьера и экстерьера; способы проведения свободного времени/досуга; приготовление и употребление еды, диеты; путешествия и туризм; романтические отношения и свидания. Релевантным вариантом обсуждения истории и специфики практики лайфстайл (дискурсивной и социальной) представляется рассмотрение ее как части социокультурного явления «лайфстайл» или — иначе — стиля жизни, в его соотношении с культурой потребления и категорией «идентичность».

Стили жизни можно определить как относительно упорядоченные диапазоны объектов и явлений, призванных стать материальным воплощением некоторой формы идентичности. Возможность реализации стиля жизни посредством практик

потребления предопределяется обсуждаемой в социальных науках идеей приобретения потребительскими товарами дополнительных смыслов: товары (а также услуги и прочие коммодифицированные практики) рассматриваются как маркеры статуса, инструменты достижения идеального имиджа, акцентирования социальных различий и т. п.

Знаковая функция товаров и коммодифицированных практик, под которой понимается способность товара или практики обозначать определенную социальную типизацию индивида (в терминах традиционных категорий, вроде класса, или же в терминах стилей жизни) и тем самым опосредовать различные виды социальных отношений, рассматривается на тех же основаниях, что и индексальная функция языковых знаков.

Иными словами, смыслы, ассоциируемые с товарами и практиками точно так же, как индексальные смыслы языковых знаков, (а) могут иметь разную степень узнаваемости разными группами индивидов, (б) достаточно подвижны и изменчивы, (в) оптимальным образом наполняются смыслами в составе диапазонов, включающих другие объекты и явления с подобными и аналогичными смыслами, (г) зависимы от контекстуализации в конкретных актах социального взаимодействия. Точно так же, как и в случае индексальных смыслов языковых знаков, в формулировании знаковой части материальных объектов-знаков (товаров и практик) ключевую роль играют дискурсивные практики, материализующие этнометапрагматические процессы (точнее процессы, аналогичные этнометапрагматическим, т. е. таким, которые направлены на рефлексивное осмысление социальных смыслов различной природы, свойственных языковым знакам) — процессы дискурсивного (пере)формулирования смысла таких объектов знаков. Ключевым видом дискурсивной практики, реализующей такую функцию, позиционируется дискурсивная практика лайфстайл.

В рамках данной работы принимаются во внимание как минимум следующие три особенности дискурсивной практики лайфстайл, обусловленные описанным выше положением вещей.

Во-первых, ситуация, когда физический мир наводнен множеством товаров и услуг, порождает потребность в информационных ресурсах, помогающих в этом многообразии разобраться и научиться использовать товары надлежащим образом. Соответственно, лайфстайл-тексты реализуют инструктирующую функцию.

Во-вторых, непосредственно в тех случаях, когда у определенной группы населения возникает потребность в стилизации, т. е. целенаправленной проекции определенной формы идентичности, тексты лайфстайл выступают инструктирующим ресурсом не только в плане информирования о корректном использовании товаров и реализации практик, но и в плане транслирования более-менее целостных моделей стилей жизни.

В-третьих, успех товара как знака (в составе) некоторого стиля жизни во многом обусловлен способностью определенной фракции населения в большей или меньшей степени осознавать его отнесенность к этому стилю жизни, будь то в целях воплощения этого стиля или его простого распознавания. Такая способность — результат знакомства с моделью данного стиля жизни в том числе и путем взаимодействия с лайфстайл-дискурсом, который, таким образом, рассматривается как инструмент

расширения границ узнавания стилей жизни и представлений о возможности и необходимости стилизации вообще.

В соответствии с представленной ранее моделью «жанр-дискурс» отдельные тексты в составе практики рассматриваются как оформленные в определенных типичных лайфстайл-жанрах и апеллирующие к типичному набору дискурсов, рассматриваемых как образующие в совокупности (мета)дискурс консьюмеризма (ДК).

Объектом исследования в данной части работы являются тексты, генерируемые в рамках одной разновидности современной социальной практики лайфстайл — практики новых онлайн-ресурсов для мужчин (НОРМ).

Наиболее типичным жанром дискурсивной практики лайфстайл позиционируется «лайфстайл-инструкция». Типичный текст в данном жанре (а) демонстрирует ряд стабильных жанровых характеристик, (б) особую специфику ламинирования акционального измерения на репрезентативное (метадискурс консьюмеризма; см. ниже) и (в) особую механику функционирования в рамках принципиально технически-опосредованной практики лайфстайл-журнализма (например, реализуемой через платформу “YouTube”).

При всей текучести, которую современные жанры приобрели благодаря миграции в интернет, тексты подобного типа в пределах последних трех-пяти лет характеризуются феноменальной унификацией жанровой формы. С точки зрения композиции тексты жанра характеризуются наличием вступления и нескольких пронумерованных фрагментов (как правило, от 5 до 10), оформляющих отдельные советы как микротексты. Помимо непосредственной адвисивной или инструктирующей составляющей в текстах фигурируют и мотивационные и легитимизирующие компоненты различной природы («зачем это делать?», «почему правильно делать именно так?» и т. п.). Мотивационный коммуникативный ход может содержаться в каждом из микротекстов в форме «максимы», на которой базируется данный совет, или какого-то иного обоснования целесообразности предлагаемого действия, а также во вступлении, в качестве мотивационной и легитимизирующей макропропозиции всего текста. На более высоком уровне обобщения тексты (как весь текст, так и отдельные микротексты) также характеризуются реализацией шаблона «проблема-решение» (*[проблема —>] Still sporting graphic tees with allegedly ironic phrases or novelty ties with cartoon characters? [«максима» / мотивационный ход —>] Life's a bit more serious these days. [решение / инструктирующий компонент—>] Grow up and go for solids or subtle patterns on your T-shirts and similarly sophisticated ties in cotton, wool or knitted silk).*

Примечательной особенностью акционального измерения таких текстов также является то, что семантическая роль агенса часто заполнена адресатом текста посредством использования местоимения второго лица; адресат является главным и самым важным субъектом, представленным в тексте. Следствием такого использования в акциональном разрезе является то, что можно было бы назвать особым «риторическим фокусом» на адресате сообщения (*This is the decade that you're likely to get married, have a couple of kids and realize you're officially too old to appear in every MTV reality show. On the bright side, you finally have an extra buck in your back pocket ...*).

На подобную жанровую структуру ламинируются семантические паттерны, отражающие в репрезентативном разрезе, то, что было обозначено как дискурс консьюмеризма. Для такого дискурса характерно установление семантических связей между идентичностью и материальными средствами ее выражения, что можно рассматривать как один из наиболее абстрактных семантических паттернов такого дискурса, а также противопоставление различных форм идентичности, некоторые из которых позиционируются «правильными» и «социально приемлемыми», а другие нет. Ср.: *Rented Tuxedos. You got away with this one at prom and probably snuck in some weddings a few years back, too. By now, you could have just owned the damn thing outright, which is precisely what we recommend doing during this decade of upgrades. You can also skip the senior year special complete with backless vest and premade tie in favor of gentlemanly braces and a proper bow tie ...* Данный фрагмент и макротекст¹, частью которого он является, последовательно устанавливает семантические связи между объектами-знаками (*rented tuxedos, backless vest, premade tie* и т. д.) и двумя формами идентичности — «зрелой» («правильной») и «незрелой» (см. также об этом ниже).

Особую механику функционирования лайфстайл-текстов в рамках принципиально технически-опосредованной практики лайфстайл-журнализма можно проиллюстрировать типичным для НОРМ видео² на платформе “YouTube”.

Если в фокусе исследовательского внимания находится речевая составляющая данного видеоролика, то в качестве ближайшего контекста, релевантного для ее функционирования как текста и интерпретации эффекта (под которым понимается комплексная метапрагматика текста, включающая акциональные и репрезентативные смыслы) такого текста, следует указать следующие компоненты. Во-первых, сопутствующие модальности и коммуникативную технологию, позволяющие оформить (исходный) текст в форме видео. Благодаря этому, в частности, появляется возможность передать все паралингвистические сигналы, отсекаемые при обращении к транскрипту, или если бы данный текст был реализован в формате статьи. Во-вторых, сопроводительный текст, размещенный под видео в форме текста в письменном модуле. Данный текст включает два основных блока — коммерческий блок (ссылка на продвигаемый продукт, интегрированный в видео, на сайт автора и на продукты его брендов) и краткое содержание видео. Краткое содержание включает авторскую аннотацию видео и пронумерованный список отдельных советов, обсуждаемых в видео. В-третьих — комментарии пользователей или то, что в рабочем порядке будет именоваться коллаборативным текстом. Как сопроводительный текст, так и комментарии (по крайней мере те, которые попадают в топ; см. ниже) следует рассматривать как одну из важных переменных локализации в контексте и контекстуализации текстов (см. выше) таких видео или — в более расширительном смысле — как часть единого результирующего текста, смонтированного в данную коммуникативную ситуацию.

¹ Fox A. 10 Things You Can't Wear in Your 30s [Электронный ресурс]. URL: <https://www.askmen.com/fashion/galleries/10-things-you-can-t-wear-in-your-30s.html> (дата обращения: 16.06.2022).

² alpha m. 7 Ways to Make a Girl MISS YOU! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XSLpsdzKkJc> (дата обращения: 16.06.2022).

Вступление (*What's up gentlemen? So, the truth is that breakups suck. But they really suck when you don't want it, but the person that you're dating feels that they don't wanna be with you anymore, and so they end it. <...> But does this mean that it's totally over? Most of the time, the answer is yes, but sometimes the answer is no, and today we are going to find out if the old spicy seniorita pants still wants a piece of that*) погружает реципиента в релевантный хронотоп: «расторжение отношений в одностороннем порядке» (*breakups suck; you don't want it, but the person that you're dating feels that they don't wanna be with you anymore, and so they end it*); задает тональность общей негативной оценки данного события (*breakups suck; they really suck*) и формулирует общий мотивационный фрейм прочтения приводимых далее советов: все меры, направленные на преобразование себя к лучшему, потенциально нацелены на возобновление отношений (*we are going to find out if the old spicy seniorita pants still wants a piece of that*).

С точки зрения включения (engagement) данный фрагмент реализован в типичном для жанра ключе: убеждения, в том числе ценностного характера, формулируются как однозначные: используются категоричные прямые утверждения, вроде *breakups suck* (вместо, скажем, *breakups may suck* или *breakups sometimes suck* и/или вместо вариантов с менее эмотивными оценочными единицами, чем глагол *suck*). Вопросительное предложение *but does this mean that it's totally over* предполагают наличие по крайней мере фракции аудитории, имеющей сомнения насчет окончательности разрыва отношений и потенциально задающую такой вопрос; предложение *we are going to find out if the... seniorita... still wants a piece of that* имплицитно, что по крайней мере фракция аудитории имеет интенцию попытаться восстановить отношения. Текст, таким образом, конструирует «солидарного» адресата, разделяющего и/или готового присоединиться к формулируемой (аксиологической) позиции, в том числе и к мотивационной макропозиции.

Однако обращение к комментариям демонстрирует, что такого присоединения фактически не происходит. Ср. два самых популярных комментария на момент проведения анализа: *Dating your ex again is the equivalent of failing a test you already had the answers to; Focus on self-improvement guys! STOP giving women validation!!* Изучение прочих комментариев демонстрирует наличие значительного количества микротекстов, транслирующих аналогичный паттерн (*At the end of the day, you split up for a reason. Usually, it's an issue that you can't change. Just move on*).

Указанные примеры являются утверждениями с транситуативной применимостью. К лексико-грамматическим индикаторам такого режима относится употребление абсолютного настоящего (*dating your ex again is the equivalent, it's an issue that you can't change*), недейктического местоимения *you* (*failing a test you already had the answers to*) и императивов (*Focus on self-improvement guys; Just move on*) или обращения, выраженного существительным во множественном числе (*Focus on self-improvement guys*). Данные комментарии становятся важной надстройкой над исходным текстом и его комбинацию с этими комментариями — результирующий комплексный текст — можно рассматривать как минимальную потенциальную единицу, порождающую комплексный эффект (для предполагаемого реципиента), и в некоторых случаях как минимальную текстовую единицу анализа смысла текстов в пределах одного условного коммуникативного эпизода.

Добавляя к или корректируя какой-либо из содержательных компонентов, комментарии создают дополнительный фрейм интерпретации вокруг исходного текста. В данном примере комментарии не оспаривают релевантность инструктирующей макропропозиции и основного содержания видео вообще (советов по «преобразованию себя к лучшему», предлагаемых автором исходного видео; ср. *focus on self-improvement guys*), но предлагают иную мотивацию для этих мер (*stop giving women validation* — то есть мотивация по принципу «преобразование себя для себя, а не для женщины/ы»). При этом при условно постоянном исходном тексте секция комментариев со временем прирастает новыми микротекстами, которые могут в том числе менять содержание топа, формируя новый результирующий текст.

Еще одним интересным вариантом релевантной коллаборации служит добавление новых идей к инструктирующей фазе исходного текста (в режиме трансситуативной применимости, наиболее очевидным лексико-грамматическим индикаторами чего вновь являются императивные формы: *go, turn, make, work, gain*); ср.: *Actually u forgot the most important tips — focus on yourself go to the gym turn the beast mode ON, be the better version of yourself every morning when u get up and look yourself in the mirror. Make money work hard gain knowledge and cash.*

Одним из возможных подходов к определению метапрагматики как комплексного эффекта текста, слагаемого из различных видов ламинированных системностей (акциональной и репрезентативной в рамках данного исследования), является попытка реконструкции такой метапрагматики путем детального изучения таких системностей и реконструкции предположительной метапрагматики текста на его основе, и является примером того, что можно назвать перспективой аналитика, и того, что отражает выделенный ранее генеративный аспект «дискурса 1».

Вторым методом изучения комплексной метапрагматики является изучение метапрагматических текстов, генерируемых дискурсивными сообществами по поводу некоторого исходного текста (что частично иллюстрируется примерами выше). Такой подход иллюстрирует выделенный ранее рецептивный аспект перспективы «дискурс 1».

Одним из вариантов применения такого подхода является исследование того, каким образом жанровая специфика исходных видео рефлексирована в комментариях под этими видео и какие выводы на основании этого можно сделать о функционировании используемых жанров в дискурсивном сообществе и о роли акциональности в результирующей метапрагматике текстов. В рабочем порядке будем исходить из того, что лайфстайл-сегмент (в частности НОРМ) опирается на четыре ключевых жанровых модели: лайфстайл-инструкция (см. выше), влог, обзор и реклама.

Примером для рассмотрения в данной части исследования был выбран текст в жанре (негибридизированного) обзора¹. Основными признаками обзора является выделение категорий описания, в том числе предопределяющих схематическую структуру текста высшего уровня, наличие вступления, погружающего в нужный хронотоп и предваряющего описание по выделенным категориям, и коммуникативного хода «рекомендация» по (не)приобретению товара или услуги. Для рассматриваемого

¹ Stridewise. REVIEW: Why Thursday's Captain Boot Is My Favorite Shoe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FLCi8dk7sgg> (дата обращения: 14.06.2022).

текста категориями описания являются *First Glance; Overview; Leather; Leather Care; Sole; Fit & Sizing; Price; Why I'd Buy; Why I Would't Buy; Final Thoughts*. Вступлением в данном случае является фаза текста *First Glance* и вступительный фрагмент видео (до фазы *First Glance*), не имеющий своего названия, отдельно обозначенного в тексте видео. Коммуникативный ход «рекомендация» реализован в фазе *Why I'd Buy; Why I Would't Buy*.

На момент проведения исследования под видео содержится 610 комментариев первого уровня. Из них комментаторы оперируют метапрагматическим ярлыком (МПТ) в 65 случаях. Наиболее популярным метапрагматическим термином предсказуемо является *review* в форме существительного, реже — в форме глагола и в одном случае в форме агентивного существительного *reviewer* (с отсылкой к автору видео; можно считать косвенным обращением к жанровой форме). Вторым используемым термином, не обладающим, однако, таким жанровым типизирующим свойством, является *video*. Ср.: *Awesome review, man!; Great review, my good man!; ...you are the best boot guy reviewer on the internet; subbed!; Awesome, informative videos especially for a novice boot guy like myself!*

С первого взгляда ситуация с данным жанром представляется практически тривиальной: дискурс оформлен по канонам жанра и для его именованья используется однозначный жанровый МПТ — как дискурсивным сообществом, так и исследователями [Текутьева 2016: 109]. Однако такая, на первый взгляд очевидная, однозначность в связке «одна (более или менее) стандартизированная форма» — «один термин» — «одна коммуникативная цель» ставится под сомнение при дальнейшей работе с метапрагматическим измерением в его рецептивной проекции.

Как показывает наблюдение за комментариями и использованием МПТ авторами видео, с точки зрения метапрагматики в лайфстайл-сегменте для аудитории критичны минимум три контекстуальных параметра: (а) в какой степени данный жанровый экземпляр является рекламой и/или (б) в какой момент своего развертывания данный текст становится рекламой и/или (в) насколько коммерческий интерес (потенциально) доминирует в иерархии коммуникативных целей жанра и жанрового экземпляра в частности.

Можно выделить минимум два случая. Во-первых, весь текст в той или иной мере рефлексруется скорее как экземпляр рекламного жанра, нежели одного из «легитимных» лайфстайл-жанров. Во-вторых, текст видео рефлексруется как преимущественно реализуемый в одном из легитимных лайфстайл-жанров, но при этом включает и, так сказать, «рекламную паузу» или — иначе — рекламную интеграцию. Последний случай также может стать причиной рефлексий относительно того, какую роль в иерархии коммуникативных целей (данного конкретного) текста и жанра занимает коммерческий интерес.

Для обзоров, как показывает анализ, критической переменной контекста, кардинально влияющей на результирующую метапрагматику, является его потенциальная оплаченность рекламодателем. Возможно, именно такая ситуация породила две вариации МПТ, используемые как авторами, так и реципиентами. Такими вариациями являются «честный обзор» и противопоставленный ему «оплаченный обзор».

На то, какая метапрагматика в результате будет наиболее вероятной для аудитории, влияет ряд факторов. Один из факторов — наличие или отсутствие соответствующего МПТ в исходном тексте. В поверхностной структуре обзора (и сопутствующих модальностях) может не содержаться индексов, способных недвусмысленно направить рефлексю в сторону формирования «честной» или «оплаченной» метапрагматики.

Так, в самом названии рассматриваемого видео содержится МПТ, формулирующий жанровую принадлежность текста (*review*). Одним из вариантов объяснения такого использования как раз и является отсечение вероятности формирования неправильной метапрагматики. Данный МПТ, однако, не вполне справляется с этой задачей, поскольку, среди прочего, не уточняет, в какой из двух вариаций будет исполняться данный жанр. Такая ситуация предсказуемо порождает ряд комментариев, ставящих под вопрос честность обзора, ср.: *This is definitely a sponsored video. I would hope someone with your knowledge would be more transparent.*

Конечно же, оплаченность или неоплаченность обзора должна менять и иерархию коммуникативных целей, ассоциируемых с жанром или жанровым экземпляром: в случае с оплаченным обзором можно было бы предположить, что ведущим мотивом с какой-то вероятностью является получение финансового вознаграждения, а не искренняя интенция информирования и инструктирования аудитории.

Второй вариант движения жанра в сторону коммерциализации — интеграция спонсорского фрагмента в видео, условно не являющееся рекламой и условно же произведенное с иными целями. Данный способ производства дискурсов является ведущим на популярных каналах, вроде “alpha m.”¹, и других каналах, работающих в том же формате и активно использующих жанровую модель «лайфстайл-инструкция».

Если инструкция комбинируется с рекламой, то чаще всего один из микротекстов (см. выше) является рекламной вставкой. Одной из особенностей оформления таких рекламных вставок является то, что они чаще всего метапрагматически отмечены как спонсорский контент.

Комментарии, рефлексиирующие использование рекламы в подобных видео, часто характеризуются общим негативным оценочным зарядом и/или иронической тональностью. Ср. разные степени негативности в следующих комментариях (для разных видео на канале “alpha m.”): *Damn, bro! This guy is always advertising something... Can't watch this channel anymore* (резко негативная оценка); *Leave it to alpha to make a 4-minute advertisement in a 13-minute video* (негативная оценка/негативно-ироническое отношение); *Spends a quarter of the video talking about an ad. This really is a daily routine* (негативная оценка/негативно-ироническое отношение).

Анализ комментариев также показывает, что метапрагматика одного и того же текста может быть кардинально различной для разных коммуникантов. Для большей части дискурсивного сообщества, по всей видимости, рекламная интеграция не является значимым фактором при формировании метапрагматики: в преобладающем большинстве комментариев «то, что делает» автор, и «то, что происходит» в данном

¹ URL: <https://www.youtube.com/@alpham/videos> (дата обращения: 14.06.2022).

коммуникативном эпизоде, не рефлексивируется в терминах рекламной/продвигающей типизации. Интересно также отметить и то, что бóльшая часть оценки прагматики коммуникативного события осуществляется в гиперболизированно положительном оценочном ключе (*I ended up crying in the end; you're incredible*). Какая-то часть аудитории рассматривает рекламную вставку как инородный элемент (так сказать, «необходимое зло»), но при этом все же наделяет видео ценностью (*Good vid, though, still*). Естественно, какая-то часть аудитории также считает такую гибридизацию неприемлемой и нивелирующей ценность всего видео (*I really thought he cared* ниже, а также *Can't watch this channel anymore* и *Spends a quarter of the video talking about an ad* в примерах выше).

Итак, помимо собственно коллаборативного режима, когда авторы комментариев дополняют и исправляют содержательную составляющую исходного текста (см. выше), достаточно частым является и, так сказать, метапрагматический режим — выражение жанровой рефлексии и/или формулирование прочих метапрагматических актов. С целью дальнейшего исследования жанровых и акциональных особенностей в их отражении в метапрагматических актах, формулируемых дискурсивным сообществом, обратимся к видео в жанровой форме, не вполне типичной для канала. В такой ситуации было бы логичным предположить, что нетипичность будет рефлексиваться в коллаборативном тексте.

Как показывает анализ комментариев под видео в жанре «влог», это действительно так. Например, один из комментариев для видео *A Day in the Life of Alpha M. | 24 Hours with Aaron Marino*¹ имеет следующее содержание: *You would be a great daily vlogger* Данный комментарий на момент контрольного среза располагается 50-м по счету (из 3373 при режиме сортировки по популярности) и имеет 1,5 тысячи лайков, что может являться одним из показателей популярности подобных семантических паттернов (*You = a great daily vlogger*) в дискурсивном сообществе.

Особый интерес с точки зрения жанровой рефлексии, однако, представляют жанры, не только нетипичные для источника, но и (предположительно) не имеющие на данный момент закрепившейся модели и/или жанрового МПТ (метапрагматического термина). К такому случаю следует отнести коллаборативные тексты, апеллирующие к жанру, который можно обозначить как «откровенный разговор». Сам автор предваряет одно из таких видео² типизацией следующего содержания: *Today's video falls under the category of "why the hell am I telling you this?"* Подобная метапрагматическая неопределенность (ср.: *falls under the category of "why the hell am I telling you this?"* — «видео из серии „какого черта я вам это рассказываю?“») наблюдается и в дискурсивном сообществе: в комментариях не было обнаружено ни одного сколько-либо стандартизированного термина для данного жанра. Это все, однако, не означает, что комментарии свободны от типизирующей рефлексии: ср. следующие примеры из комментариев к упомянутому видео: *I love these videos. Sometimes we need to have these*

¹ alpha m. A Day in The Life of Alpha M. | 24 Hours with Aaron Marino [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nl-9cY13np8> (дата обращения: 14.06.2022).

² alpha m. Losing My Virginity (BRUTALLY HONEST Story) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k9WlsqdWn0E> (дата обращения: 14.06.2022).

conversations!; *Love the story time, alpha!*; *The fact that he speaks out about his life has my full respect.*

Как видно из примеров (а также на основе анализа аналогичных комментариев к другим видео в данном жанре), используемые МПТ (предположительно) подчеркивают типологическую близость жанра с бытовым разговором (*personal talks, phone conversation, these conversations*), автобиографическим нарративом (*story time, sharing your story, speaks out about his life*), советом (*this lesson*) и откровением (*reaching out; speaks out*).

В Главе 5 «*Дискурс консьюмеризма в дискурсивной практике лайфстайл: механизмы, смыслы, ценности*» более подробно обсуждается репрезентативный аспект текстов лайфстайл-жанров, а именно особенности так называемого (мета)дискурса консьюмеризма.

Как было уже замечено ранее, в лайфстайл-дискурсе рассматриваемом в его репрезентативном измерении уподобляются друг другу (типизируются) разнородные объекты-знаки в их функции выражения определенного социального смысла. Для обозначения такого социального смысла используется метасемиотический термин, выступающий гиперонимом по отношению к этим объектам-знакам. Сам же социальный смысл определяется реальной или заявляемой принадлежностью субъекта к определенному стилю жизни или социальной типизации.

Набор стилей жизни и связанных с ними социотипов и форм идентичности, как представляется, потенциально безграничен. Для изучаемых НОРМ типизация в наиболее общем смысле определяется принадлежностью к одному из полюсов дихотомии «стильный — нестильный» в различных вариациях (при этом стильный рассматривается как правильный и социально приемлемый, а нестильный наоборот). Типичными метасемиотическими терминами в рассмотренном массиве являются термины, отражающие разные «ипостаси» маскулинности, противопоставляемые по нескольким векторам: (а) по линии «зрелость/незрелость»: *kid/child vs. man/grown up*, ср.: *Clothes That Make Men Look Like Boys; 10 Back to School Style Essentials Every Student NEEDS*; (б) по линии «утонченность/изысканность»: *man/guy vs. gentleman*; (в) по линии «крутость/уверенность/агрессивность»: *man/guy vs. bad boy/bad ass* ср.: *Bad Boy Summer Style: How to Look Like A Bad Boy*; (г) по линии «социальной одобряемости»: например, *gentleman/badass vs. dumbass/jerk* и т. п.

Дискурс консьюмеризма (ДК) следует рассматривать как основной дискурс(-репрезентацию) или — иначе — метадискурс, «пронизывающий» тексты лайфстайл-практики и предопределяющий остальные возможные (суб)дискурсы, к которым такие тексты могут апеллировать. Базовый семантический паттерн, лежащий в основе ДК, можно определить как представление о возможности и необходимости конструирования идентичности посредством реализации коммодифицированных практик и приобретения товаров.

Для иллюстрации того, как данный дискурс, а также ряд сопутствующих дискурсов, которые будут обозначены далее, актуализируются в рамках типичного

текста в составе лайфстайл-практики, обратимся к использованному ранее видео¹. Для навигации по микротекстам в составе текста приведем здесь список советов, сформулированный автором видео в сопроводительном тексте: 1. *Stop calling & texting her as well as stalking her on social media — allow for space and privacy so she may allow for a 2nd chance*; 2. *Stop drinking and/or smoking pot — if you're sad & emotional, for 30-days focus on yourself instead*; 3. *Channel the pain and hurt into yourself — worry about you and do things to be a better dude*; 4. *Find new hobbies, make new friends, and connect with old friends — be with people you love and do new things*; 5. *Give yourself an Alpha M makeover and post pictures — reinvent yourself and feel incredible about who you are. Get a haircut, buy some new clothes (grab a stylish friend), take pictures of yourself and post on social media*; 6. *Deal with your issues — take care of your emotional issues with counseling or therapy so you'll be right for someone*; 7. *Start to date — this doesn't mean to sleep around! Be social and get back out there to see that others find you attractive.*

В наиболее прозрачной форме ДК, как представляется, актуализируется в микротексте номер 5, например, во фрагменте *reinvent yourself and feel incredible about who you are* → *get a haircut, buy some new clothes*, где второе предложение связано (бессоюзной связью) с первым отношениями распространения/уточнения (*elaboration*), а предикации *get a haircut* и *buy some new clothes* являются гипонимами по отношению к гиперонимическому *reinvent yourself*.

Аналогичные паттерны и семантические связи реализуются и в самом тексте видео, ср.: *...go get a new fresh cut because everybody feels better about themselves after a haircut*. Императив *go get a new fresh cut* связан причинно-следственной связью с предикацией *everybody feels better about themselves after a haircut*, формулирующей то, что ранее было названо мотивационной максимой (разновидность коммуникативного хода, легитимизирующего, объясняющего и т. п., почему что-то следует делать именно таким образом).

Как ламинируемый на дискурс консюмеризма, но все же аналитически отделимый от него, можно указать «дискурс целенаправленного самопреобразования». Ср. фрагмент авторской аннотации (часть сопроводительного текста): *If you **work on you and create on the man she fell in love with, she may fall back in love with you.***

В плане эксклюзивной апелляции к такому дискурсу наиболее иллюстративными являются пункты номер 3 и 6 в тексте видео: [пункт 3; фрагмент текста видео] *... you need to **focus on yourself** which is number three. You [неразборчиво. — Е. М.] take all that pain all that hurt and **channel it into yourself!** You've gotta **make you a priority** and do things that are going to **benefit you and make you a better person.***

Точно так же, как и в примерах выше, макропропозиция данного фрагмента *you need to focus on yourself* связана отношениями распространения/уточнения (*elaboration*) с последующими предложениями, а *focus on yourself* выступает гиперонимом по отношению к *take all that pain <...> and channel it into yourself; make you a priority* и *do things that are going to benefit you*.

¹ alpha m. 7 Ways to Make a Girl MISS YOU! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XSLpsdzKkJc> (дата обращения: 16.06.2022).

Если рассмотреть текст видео в тематической дискурсивной разбивке или — в данном случае — с точки зрения конкретных регламентируемых (каждодневных) практик, то следует указать, что он апеллирует к таким типичным для лайфстайл-практики дискурсам(-репрезентациям), как:

– мода/стиль (в первую очередь пункт номер 5; *buy some new clothes; grab a stylish friend*);

– груминг/уход за собой (большая часть пункта номер 5, который одновременно является рекламной интеграцией, как это обсуждалось при анализе жанровой специфики таких текстов);

– взаимоотношения с противоположным полом/свидания (мотивационная макропропозиция всего видео, пункт 7 и отчасти пункт номер 1, например: *texting her, stalking her, date; sleep around; social; find you attractive* и т. д.).

Одним из типичных дискурсов в лайфстайл-практике является также «дискурс фитнеса и физического преобразования тела».

В Главе 6 «*Жанр конфронтационной речи в дискурсивной практике американской президентской риторики*» рассматривается акциональный аспект текстов дискурсивной практики американской президентской риторики (АПР) с особым акцентом на жанре конфронтационной речи (КР).

Особенностью конфронтационных речей является то, что все они произносились в хронотопах особого рода — во время разворачивающегося геополитического конфликта и/или во время реализации или планирования ответных (военных) действий по отношению к так называемой группе чужих, что может быть основанием для предположения, что одной из ведущих интенций оратора является легитимизация этих действий, которая также, далее, может рассматриваться и как одна из основных коммуникативных целей жанра КР.

Как таковые данные речи характеризуются двумя особенностями реализации жанровой схематической структуры. Во-первых, все они содержат пять обязательных коммуникативных ходов: (1) формулировку коммуникативной цели или — иначе — интенции речи в форме макропропозиции и/или метасемантического термина (т. е. гиперонима по отношению к семантическим паттернам, реализуемым далее в этой же речи), отражающих суть проблемы и предлагаемого решения (или — иначе — суть мотивирующей и легитимизирующей составляющей и суть ответного действия); (2) констатацию (и/или описание) разворачивающегося или планируемого ответного действия группы своих, всегда сопровождающуюся несколькими (3) развернутыми мотивирующими (легитимизирующими) коммуникативными ходами; (4) просьбу или требования (и/или ультиматум), нацеленные на других членов группы своих или группу чужих соответственно, и (5) обещание предпринять что-то как продолжение ответного действия или в связи с таковым. Последние два могут также быть рассмотрены как специфические варианты реализации хода 2 и/или как его часть, поскольку значительная часть описания планируемых ответных действий будет реализована с использованием средств футуральности, а также тяготеть в плане общей метапрагматики к речевым актам (РА) промисива и менасива.

На еще более абстрактном уровне тексты демонстрируют реализацию структуры «проблема — решение», в которой формулировка проблемы является

легитимизирующей для предлагаемого решения — реализуемого, планируемого, требуемого или обещаемого набора действий.

Первый ключевой обязательный ход — формулировка коммуникативной цели или интенции речи — может быть рассмотрен как состоящий из двух шагов — формулировки проблемы, могущей также рассматриваться как макропропозиция для всех последующих мотивирующих ходов (П/М — проблема/мотивировка) в связке с констатацией ответного действия (КОД), которая также может рассматриваться как макропропозиция для соответствующих ходов, если в речи эксплицитно обсуждаются (а не просто констатируются) ответные действия.

Данный коммуникативный ход стремится к началу речи, однако с некоторыми вариациями. В том случае, если хронотоп не предполагает прямого обращения к живой аудитории (например, в случае телевизионной трансляции), коммуникативный ход появляется в самом начале речи. Наиболее иллюстративным примером такого варианта исполнения жанра является телеобращение¹ Дж. У. Буша 17 марта 2003 года за несколько дней до начала военной кампании в Ираке, где макропропозиции П/М (*events in Iraq*) и КОД (*the final days of decision*) формулируются в пределах (одной) первой предикации: *My fellow citizens, events in Iraq have now reached the final days of decision.*

Во всех случаях, где президент обращается к живой аудитории, формулировка П/М и КОД предваряется факультативным коммуникативным ходом «подводки» к формулированию проблемы и констатации или обсуждению ответных действий, который может состоять из нескольких шагов, включая обращение к присутствующим, апелляцию к физической локации, апелляцию к конкретным индивидам в данной локации, выражение благодарности, шутки, и то, что можно назвать «эксплуатацией хронотопа», включающую дескрипцию и нарратив, каким-то образом связанные с хронотопом данного события и помогающие оратору подвести речь к формулировке проблемы или мотивации предлагаемых ответных действий. Ср. реализация данной фазы в наиболее лаконичном варианте — в виде апелляции к локации и благодарности (*Thank you all. Thank you for that very gracious and warm Cincinnati welcome. I'm honored to be here tonight; I appreciate you all coming.*)

Мотивационные и легитимизирующие коммуникативные ходы в данном типе риторики предсказуемо являются наиболее выраженными и проработанными оратором и могут занимать достаточно объемную фазу текста.

Первую группу мотивационных ходов образуют ходы, которые основываются на семантических паттернах, рассматриваемых в данной работе как часть дискурса(-репрезентации) образа врага, который в свою очередь рассматривается как часть дискурса глобального антагонизма (см. также ниже). Сюда следует отнести: (1) интеграцию всех чужих в одну группу и позиционирование объекта ответного действия как локации их нахождения (наиболее иллюстративный пример в данном случае — Ирак и Афганистан как «пристанище» террористов); (2) дискредитирующие и демонизирующие нарратив и дескрипцию, связанную с действиями чужих в прошлом и/или в настоящем; (3) прогноз в форме (а) того, что может произойти (или неминуемо

¹ Message to Saddam—March 17, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.17.03.html> (дата обращения: 15.10.2023).

произойдет), если не будут приняты ответные меры, и (б) в форме того, что может произойти (или неминуемо произойдет) как экстраполяция прецедента прошлого, и поэтому требует ответного действия.

Вторую группу шагов в составе мотивационных ходов образуют шаги, актуализирующие семантические паттерны, связанные с активностью (в самом широком смысле) группы своих. Сюда (1) можно отнести апелляцию к правильному опыту (опять же в самом широком смысле) своих, включая (а) нормы, принципы, ценности, убеждения своих, которые также могут позиционироваться как универсальные «максимы», (б) фрейм должностования и необходимости, (в) преемственность и последовательность («потому что всегда так делали») и (г) легитимность и законность меры. Например (опора на универсальное убеждение/принцип): [*макропропозиция, обозначающая начало мотивационного хода*] *And number one, [КОД →] **protecting** [П/М →] **freedom means** [КОД →] **standing up to** [П/М →] **aggression**; You know, the brutality inflicted on the people of Kuwait and on innocent citizens of every country [шаг 1а «универсальный принцип/убеждение» →] **must not be rewarded**. [шаг 1а «максима» →] *Because a bully unchecked today is a bully unleashed for tomorrow.**

Также ко второй группе шагов в составе мотивационного хода можно отнести шаги, основанные на прогнозировании желательного будущего, которое должно наступить в результате реализации ответных мер и действий (Ср.: *The lives of Iraqi citizens [желательное будущее →] **would improve dramatically** if Saddam Hussein [ответные действия →] **were no longer in power, just as the lives of Afghanistan's citizens improved after the Taliban.***

Еще одну группу шагов в составе мотивационных ходов составляют шаги, основанные на актуализации семантических паттернов «неудачные попытки/опыт решения этой проблемы в прошлом» (Ср.: *Since then, the world **has engaged** in 12 years of diplomacy. We **have passed** more than a dozen resolutions in the United Nations Security Council. We **have sent** hundreds of weapons inspectors to oversee the disarmament of Iraq. Our good faith **has not been returned**.*

Коммуникативные ходы, целенаправленно ориентированные на специфические группы адресатов, распадаются на просьбы/требования (реквестив и иньюнктив) и обещание/угрозу (промисив и менасив). Просьбы адресованы иными субъектам в группе «своих» (*America wants the U.N. to be an effective organization that helps keep the peace. And that is why **we are urging** the Security Council to adopt a new resolution setting out tough, immediate requirements*); требования — группе чужих (*Among **those requirements**: the Iraqi regime **must** reveal and destroy, under U.N. supervision, all existing weapons of mass destruction. To ensure that we learn the truth, the regime **must** allow witnesses to its illegal activities ...*). Коммуникативный ход «угроза» реализуется как семантический паттерн «обещание негативной санкции при невыполнении требования/условия» (*[требование/условие →] if President Milosevic will not make peace, [санкция →] we will limit his ability to make war*). Обещание реализуется в виде паттерна «обещание благополучного исхода» для группы своих как результат ответных действий (в неопределенном будущем) или же как вариация паттерна и хода «предлагаемые ответные меры/действия», реализация которых также предполагается в некотором не

вполне определенном будущем (... *we will break their will, dry up their recruitment, keep them from crossing our borders and, yes, we will defeat them, and we will defeat them handily*).

В конфронтационной риторике оценка реализуется в режиме «поляризации» — гиперболизированной негативной оценки всего, что связано с деятельностью группы чужих и положительной оценкой всего, что связано с группой своих; способ реализации диалогичности (включения) в целом тяготеет к «безапелляционному», когда единственное мнение и единственная перспектива оценки, «допускаемые» дискурсом и конкретными текстами, — мнение и перспектива своих (или точнее мнение некоторой стоящей за оратором группы акторов, не обязательно всей группы своих).

В Главе 7 «*Дискурс глобального антагонизма в дискурсивной практике президентской риторики: механизмы, смыслы, ценности*» рассматривается специфика репрезентативного измерения текстов американской президентской риторики с акцентом на конфронтационной риторике.

Дискурс глобального антагонизма (ДГА) рассматривается как дискурс-репрезентация (отражаемый макротемой наличия биполярного мира и противопоставления двух групп субъектов в нем — своих и чужих), в качестве одного из фрагментов которого, далее, рассматривается репрезентация врага (специфическое дискурсивное отражение группы чужих). В связи с этим, а также ввиду того факта, что фрагменты ДГА обнаруживаются в разных текстах в разном объеме (и соответственно, требуют применения транстекстуального подхода при анализе), дискурс ДГА будет также (как и дискурс консьюмеризма) рассмотрен как метадискурс.

Основным средством номинации врага в текстах АПР (американской президентской риторики) являются лексемы с семантикой «враждебность» и «чуждость» (*terrorist, tyrant, dictator, regime* + ярлык-гипероним *enemy*), которые, в соответствии с аналитической и терминологической рамкой данной работы, следует рассматривать как ключевые метасемиотические термины практики АПР.

Второй способ актуализации образа врага в текстах АПР — через номинацию его видов деятельности, а также прочих явлений, ассоциируемых с врагом. Основным языковым средством здесь является то, что иногда называют политическим аффективом — лексической единицей с негативной оценочностью и не всегда легко идентифицируемым денотативным значением. При этом интересно отметить, что описанные выше ярлыки имеют корреляты в форме аффективов (*terrorist* — *terrorism* и *terror, tyrant, dictator* — *tyranny* и *dictatorship*).

Одним из аспектов репрезентации группы врагов в текстах АПР является интегрирование (артикулирование) разных субъектов и разных объектов и явлений, с ними связанных, в единый «образ» как в пределах одного текста, так и транстекстуально (аналог метасемиотических проектов дискурса консьюмеризма, перенесенный в плоскость политической дискурсивной практики). Под образом в данном случае подразумевается упрощенное по отношению к реальности и могущее отчасти ей не соответствовать (см. также обсуждение в следующем разделе) представление о некотором феномене, конструируемое дискурсивно преимущественно с использованием таких комбинаций языковых средств, которые потенциально могут инициировать реакции эмоционального характера (страх, ненависть и т. п.) со стороны реципиента.

К основным средствам, используемым с этой целью, можно отнести следующие.

Во-первых, одним из самых простых средств является сочинение, когда два или более понятия, не обязательно являющиеся синонимами за пределами данного текста, соединяются при помощи союза «и» или бессоюзной связью (*would embolden other tyrants, allow terrorists access*). Наиболее показательным примером является соединение двух подгрупп действующих лиц, обозначенных ярлыками *tyrants* и *terrorists*.

Вторую подгруппу образуют различные лексические средства, актуализирующие семантический паттерн «оказывать содействие». Анализ позволил выявить использование с этой целью глаголов *to support, to finance, to harbor, to sponsor, to hide, to shelter, to thrive on sth*, существительных *assistance, shelter, ties, links* и проч., а также некоторых выражений, в основе которых лежит метафорический образ, например, *to create safe haven*. Так, Саддам Хусейн (или как варианты: *Iraq, Iraqi regime, dictator, tyrant*) постоянно «уличаются» в связи с террористическими организациями (*has given shelter and support to terrorism*) Метафорическим образом, используемым в рамках реализации проекта интеграции, также является образ «спокойной гавани» *safe haven (provided safe haven for al Qaeda)*.

Аспектом репрезентации группы врагов и интеграции разнородных элементов внутри нее следует рассматривать интерпретацию взаимоотношений своих и чужих в терминах вооруженного конфликта (что может иметь множество разнообразных лексических реализаций — *We're at war. Iraq is a part of the war on terror. It is not the war on terror; it is a theater in the war on terror. And it's essential we win this battle in the war on terror*), а также способы противопоставления двух групп более общего характера (*Some worry that it is somehow undiplomatic or impolite to speak the language of right and wrong*).

В качестве одного из аспектов репрезентации группы врагов рассматривается конструирование исходящей от этой группы угрозы для американцев, американских ценностей и — шире — круга своих, что, в свою очередь, также можно рассмотреть как специфический фрагмент дискурса глобального антагонизма.

Использование термина «конструирование» вместо термина «репрезентация» (или в дополнение к термину «репрезентация») призвано отразить тот факт, что специфические способы лингвистической отсылки к угрозе, обсуждаемые далее, позволяют в какой-то мере говорить о «фантомности» данной угрозы в том смысле, что используемые в текстах лингвистические средства референции к угрозе отсылают к феноменам, онтологический статус которых остается под вопросом. В этой связи аспект репрезентации группы врагов, связанный с конструированием исходящей от нее угрозы, можно также рассматривать как часть «образа».

Основными средствами референции к угрозе предсказуемо являются слова со значением «угроза», «опасность», которые обнаруживаются в текстах исследуемого диапазона в достаточном разнообразии (*threat, danger, peril, jeopardy*).

При рассмотрении текстов, в которых более активно репрезентируется и конструируется данный образ, в акциональной перспективе обнаруживается ламинирование актуализации угрозы на коммуникативные ходы, которые могут быть рассмотрены как «прагматический фокус», вроде вопросно-ответных комплексов (*Some ask how urgent this danger is to America and the world. The danger is already*

significant, and it only grows worse with time) или повторов (*Saddam Hussein was a **threat**. He was a **threat** because he had used weapons of mass destruction on his own people. He was a **threat** because he coddled terrorists*).

Помимо основных лексических единиц, используемых в тексте для референции к угрозе, в текстах также используются средства, обеспечивающие актуализацию паттерна «Ирак = угроза» путем того, что можно было бы назвать «активацией ассоциативных связей». Сюда в первую очередь относятся слова со значением «скрытность», «секретность», «тайность» и т. п. (*secretly, threats hidden in caves, this threat hides within many nations, hide in caves, shadowy, dark, in any dark corner of the world, dark threat, move and plot in shadows*).

Помимо наиболее общих способов актуализации семантического паттерна «Ирак = угроза» или «террорист/тиран = угроза» в их ламинации на фокусирующие коммуникативные ходы акционального измерения в изучаемом массиве текстов также выделяемы более специфические семантические паттерны репрезентации и конструирования образа угрозы.

Первым из таких более специфических паттернов следует рассматривать паттерн (статичной) близости угрозы к представителям группы своих или ее (динамического) приближения к таковым. Данный паттерн актуализируется двумя основными средствами: использованием специфических метафор (так называемой онтологической метафоры «угроза как сущность») и «инсценированием» перемещения угрозы в непосредственное окружение реципиента (*Today in Iraq, we **see a threat whose outlines are far more clearly defined, and whose consequences could be far more deadly; And in this new kind of war, civilians find themselves suddenly on the front lines***).

Еще одной группой семантических паттернов, рассматриваемых как часть создания образа угрозы, являются паттерны группы «предыдущие действия чужих угрожающего характера» (то, что можно назвать «прецедентом»). Таковые в данном массиве речей ламинируются на рассмотренные ранее легитимизирующие коммуникативные ходы экстраполяции прецедентов.

Репрезентация/конструирование образа угрозы в этом случае происходит с использованием следующей логики рассуждений: ситуация 1, имевшая место в прошлом, непременно должна повлечь ситуацию 2 в (гипотетическом) будущем (*The regime has a history of reckless aggression in the Middle East. It has a deep hatred of America and our friends. And it has aided, trained and harbored terrorists, including operatives of al Qaeda. // The danger is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq, the terrorists could fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other*).

К еще одному семантическому паттерну, участвующему в репрезентации и конструировании данного аспекта враждебности, относится общий паттерн «уникальность угрозы». В дискурсивной практике президентской риторики актуализаторами паттерна являются, среди прочего, слова с семантикой «новый» (*new threats, threats of a new era*), «беспрецедентный» (*threats with no precedent*), а также использование превосходной степени прилагательного (*the **gravest** danger*).

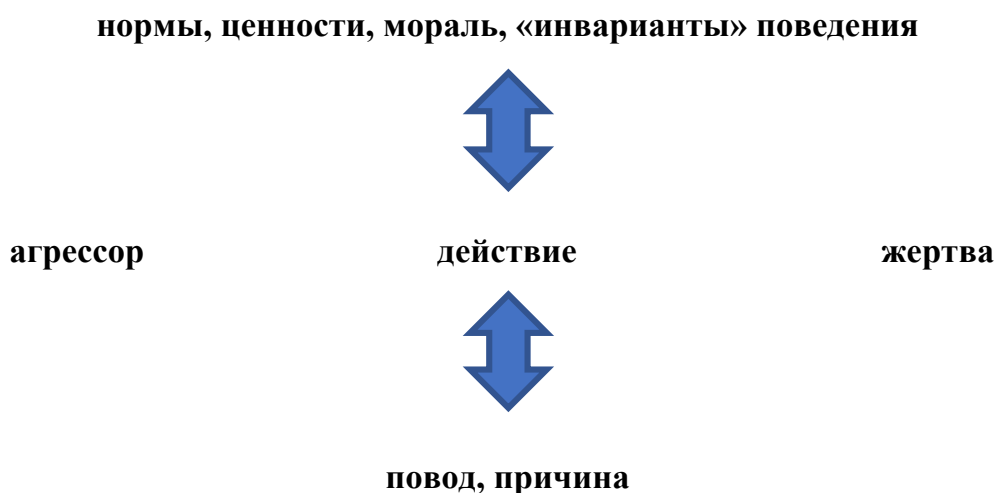
Одним из макропаттернов, позиционируемых как компонент образа врага и как компонент дискурса глобального антагонизма вообще, является паттерн

«демоничность врага»; планомерное использование данного паттерна в дискурсивной практике можно было бы, таким образом, назвать «демонизацией» врага, что также может рассматриваться как радикальный вариант того, что в других исследованиях фигурирует под термином «стратегия дискредитации».

Основу данного паттерна можно представить в виде специфического сценария («сценария демонизации»). В самом общем виде данный сценарий может быть объяснен при помощи схемы, показанной на рис. 1.

Актуализированный в тексте сценарий демонизации описывает инвариантную ситуацию, где агрессор совершает жестокое или иное негативное действие по отношению к жертве. При этом агрессивное действие репрезентируется как неадекватное или несоразмерное по отношению к одному или нескольким элементам сценария: (а) по отношению к жертве (ввиду ее характеристик), (б) по отношению к моральным и этическим нормам, ценностям и прочим нормативным представлениям и (в) по отношению к причине, вызвавшей данное агрессивное действие.

Рисунок 1. Схема сценария демонизации

Первая группа: неадекватность определяется соотношением характеристик агрессивного действия и характеристик жертвы. Здесь можно выделить как минимум три подгруппы случаев на основании прототипов жертв:

1) агрессор предпринимает жестокие действия по отношению к самым беззащитным и безобидным жертвам — прототип «женщины и дети». В тексте данный прототип актуализируется, например, словами *women, children, kids, babies, fathers and sons, the innocent, innocent lives, a little tiny country, its trusting and much weaker neighbor* и т. п.;

2) агрессор предпринимает действия военного характера по отношению к прототипу «мирный житель». Данный прототип актуализируется в тексте словами *civilians, civilian population, (innocent) citizens, defenseless people* и т. п.;

3) агрессор предпринимает жестокие карательные действия по отношению к жителям своей страны — прототип «соотечественник». Для актуализации данного прототипа используются, например, *his own people*.

Часто в текстах обнаруживается конвергенция таких прототипов (*The terrorists' directive commands them to kill Christians and Jews, to kill all Americans, and make no distinction among military and civilians, including women and children*).

Вторая группа случаев определяется неадекватностью агрессивного действия по отношению к повлекшей его причине (*You can be jailed for owning a television*).

Третья группа случаев определяется неадекватностью действий врага в соответствии с общепринятыми нормами, конвенциями, понятиями о морали, чести и т. д. Сюда можно отнести, например, такой случай, как ликование врагов по поводу, который (предположительно) должен инициировать диаметрально противоположную реакцию (*And we know that after September the 11th, Saddam Hussein's regime gleefully celebrated the terrorist attacks on America*).

В **Выводах** к главам и **Заключении** обобщаются результаты и подводятся итоги проведенного исследования.

Речевая структура текста была рассмотрена как комбинация полифункциональных сегментов, аналитически объединяемых по функциональному принципу как минимум в две базовых системности, ламинируемые друг на друга в виде единой синтагматической цепочки текста. Двумя такими системностями позиционируются акциональная и репрезентативная. Акциональность как режим развертывания текста в коммуникативном событии высвечивает его функционирование в данном событии как способа организации коммуникации и — шире — способа реализации социального (взаимо)действия. Репрезентация как режим развертывания текста высвечивает его роль как способа отражения и/или конструирования экстралингвистической реальности с некоторых (идеологических) позиций и — шире — как способа передачи некоторого содержания.

Категория «жанр» рассматривается как абстрактная или абстрагированная модель, апелляция к которой определяет акциональность и акциональную речевую системность, включающую композиционные, лексико-грамматические и синтаксические особенности, а также ламинируемые на них семантические паттерны конкретных текстов (жанровых экземпляров). Аналогичным образом осмысливается дискурс-репрезентация («дискурс 3») — как модель, с одной стороны, и определяемая ею речевая системность (в первую очередь семантические паттерны и специфика их лексико-грамматического оформления, которые далее ламинируются в конкретных экземплярах на определенную композиционную структуру), с другой.

Исходя из базовых положений прагматики, две данные системности далее рассматриваются как обуславливающие в комбинации с некоторыми параметрами контекстов комплексный эффект контекстуализированных текстов. Такой эффект описывается как метапрагматика текста, под которой понимается более или менее конгруэнтная (когнитивная) репрезентация того, что происходит в данном акте коммуникации в различных его измерениях, не ограничивающихся только лишь содержательным аспектом такового (и более конкретно — репрезентативным), но включающих представления о том, что коммуниканты «делают» посредством/в коммуникации, каковы их предполагаемые интенции, что они конкретно достигают в этом акте коммуникации (акциональный аспект) и иные подобные смыслы, а также представления о том, как себя позиционируют коммуниканты в данном акте

коммуникации и/или кем они «предстают» благодаря, независимо или вопреки таким попыткам позиционирования.

Метапрагматика конкретных текстов должна также рассматриваться как включающая элементы конкретизации так называемой метапрагматической осведомленности, под которой понимается демонстрируемое в актах коммуникации рефлексивное осмысление используемых языковых форм; метапрагматическая осведомленность, далее, также может рассматриваться как конкретизация (трансситуативных) метапрагматических знаний различного характера.

Двумя дискурсивными практиками, подвергшимся анализу с обозначенных выше позиций и путем операционализации намеченной выше модели («акциональность-репрезентативность-метапрагматика») в настоящей работе, являются дискурсивная практика лайфстайл и дискурсивная практика американской президентской риторики. Две данных практики являются дискурсивными практиками, вовлекающими массовую аудиторию в процесс коммуникативного взаимодействия, а также характеризуются ярко выраженной ориентацией на тиражирование транслируемого ими видения мира и, следовательно, демонстрируют особую персуазивную интенциональность речевого оформления текстов.

Предложенный в работе анализ в заданных теоретико-методологических рамках, таким образом, позволил в максимально возможном при использовании текстоориентированного метода виде объяснить специфику акционального и репрезентативного оформления используемых в данных практиках текстов с учетом (в разной мере для каждой из практик) переменных контекста ситуации, контекста самой практики и более широкого социокультурного контекста и комплексный коммуникативный вклад данных системностей в общую метапрагматику таких текстов, что в свою очередь также рассматривается как способ объяснения выбранных вариантов речевого кодирования потенциальных персуазивных интенций стоящих за данными практиками субъектов и потенциального персуазивного эффекта таких текстов.

При существенных различиях данных практик в плане хронотопов (как непосредственных, так и расширенных — исторических), в которых они разворачиваются, полей, в которых они функционируют (политика и массмедиа), целей, которые они преследуют, ключевых субъектов, которые за ними стоят, их навыков, компетенций, интересов и т. п. предпринятый анализ, однако, показал, что на высоком уровне обобщения данные практики как дискурсивные практики демонстрируют примечательное сходство.

Так, обе практики опираются на ряд ключевых жанров в своей реализации, среди которых можно выделить один ключевой жанр. Для практики лайфстайл таким жанром позиционируется лайфстайл-инструкция, для практики американской президентской риторики — конфронтационная речь. Оба жанра также демонстрируют ключевую роль двух коммуникативных ходов, один из которых является общим для двух жанров. Для жанра лайфстайл-инструкции ключевой является комбинация инструктирующего и мотивирующего и/или легитимизирующего ходов, для конфронтационной речи — описания ответного действия и мотивирующего и/или легитимизирующего ходов.

В репрезентативном измерении тексты обеих практик демонстрируют последовательную актуализацию соответствующего дискурса-репрезентации, ламинируемого в виде различных типичных для дискурса мезо- и микропаттернов на типичные для жанра коммуникативные ходы и шаги; кумулятивный эффект такого ламинирования, в свою очередь, рассматривается как потенциальный механизм реализации персуазивной интенции, с одной стороны, и потенциальный механизм возникновения персуазивного эффекта, с другой. Для жанра лайфстайл инструкции таким дискурсом является дискурс консьюмеризма, суть которого на высоком уровне обобщения может быть отражена представлением (семантическим макропаттерном) о том, что различные объекты и практики могут и должны рассматриваться как материал целенаправленного конструирования идентичности индивида или же как пассивно отражающие ее в актах социального взаимодействия в условиях отсутствия такой целенаправленности. Для жанра конфронтационной речи в частности таким дискурсом является дискурс глобального антагонизма, который можно отразить наиболее общим представлением (семантическим макропаттерном) о наличии биполярного мира, в котором один из полюсов (группа чужих) является перманентно враждебным к представителям другого полюса (группе своих).

Основным итогом диссертационного исследования, во-первых, является разработка и научное обоснование модели функционирования и анализа контекстуализированных текстов как результата ламинирования двух ключевых контекстуально обусловленных же речевых системностей и эффектов таких текстов как их метапрагматических моделей, образующихся в результате синергии таких системностей и актуализации различных переменных контекстов, в которых такие тексты используются. Во-вторых, итогом также является предложенная в диссертации эмпирическая проверка данной модели на материале двух различных дискурсивных практик, а также научное описание этих практик, результирующее из такой проверки. Данное исследование вносит вклад в развитие дискурс-аналитических исследований, а также в развитие лингвистики дискурса вообще, в жанроведение и исследования персуазивной коммуникации.

В рамках предложенной в работе модели и с использованием разработанной методологии перспективными представляются следующие лингвистические исследования:

- анализ текстов в составе иных англоязычных дискурсивных практик;
- анализ текстов в составе иных дискурсивных практик, реализуемых на других языках;
- сравнительно-сопоставительные исследования текстов в составе различных практик на материале одного языка; межъязыковые сопоставительные исследования дискурсивных практик.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объемом **43,5 п. л.**

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК РФ:

1. Молодыченко Е. Н. Поляризация как способ репрезентации антагонистически ориентированных идентичностей в политическом дискурсе США / Е. Н. Молодыченко // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2009. — № 5. — С. 72–76. (0,3 п.л.)
2. Молодыченко Е. Н. Особенности перевода речей публичных деятелей с позиции личности переводчика / Е. Н. Молодыченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 57. — 2011. — № 24 (239). — С. 252–255. (0,4 п.л.)
3. Молодыченко Е. Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) / Е. Н. Молодыченко // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 4(42). — С. 145–156. (1,3 п.л.)
4. Молодыченко Е. Н. Риторика превосходства: аксиологическая перспектива (Барак Обама о крымском кризисе) / Е. Н. Молодыченко // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3(49). — С. 155–165. (1,2 п.л.)
5. Молодыченко Е. Н. Когнитивное моделирование реализации эмоционального аспекта речевого воздействия / Е. Н. Молодыченко // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — Т.40. — № 3. — С. 78–85 (также индексируется в Scopus). (0,9 п.л.)
6. Молодыченко Е. Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии / Е. Н. Молодыченко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2015. — № 3(19). — С. 90–97. (0,6 п.л.)
7. Молодыченко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл / Е. Н. Молодыченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 6(38). — С. 55–66 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (0,9 п.л.)
8. Молодыченко Е. Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ / Е. Н. Молодыченко // Вестник Северного Арктического федерального университета. — 2016. — № 3. — С. 122–130. (0,8 п.л.)
9. Молодыченко Е. Н. Что такое лайфстайл-дискурс? Две базовые функции новых лайфстайл-медиа в сети интернет / Е. Н. Молодыченко // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 726–743. (1,2 п.л.)
10. Молодыченко Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления / Е. Н. Молодыченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 57. — С. 79–102 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1,6 п.л.)
11. Молодыченко Е. Н. «Свои» и «чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция «чужого» в американской президентской риторике / Е. Н. Молодыченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 59. — С. 67–86 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1,3 п.л.)

12. Молодыченко Е. Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности / Е. Н. Молодыченко // *Russian Journal of Linguistics*. — 2020. — Т. 24. — № 1. — С. 117–136 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1,4 п.л.)
13. Molodychenko E. N. Metapragmatics and genre: Connecting the strands / E. N. Molodychenko & J. Spitzmüller // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — Vol. 25. — No. 1. — P. 89–104 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1.1 п.л. / авт. вклад — 0,7 п.л.)
14. Молодыченко Е. Н. Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа / Е. Н. Молодыченко // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. — 2021. — № 18(2). — С.363–382 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1.4 п.л.)
15. Молодыченко Е. Н. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа / Е. Н. Молодыченко, В. Е. Чернявская // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. — 2022. — № 19(1). — С. 103–124 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1.7 п.л./авт. вклад — 0.7 п.л.)
16. Молодыченко Е. Н. Метапрагматика в жанроведении: Нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? / Е. Н. Молодыченко // *Вестник Томского Государственного Университета. Филология*. — 2022. — № 75. — С. 67–93 (также индексируется в Scopus и Web of Science). (1.7 п.л.)
17. Молодыченко Е. Н. Уровни контекста: как анализ текста становится анализом дискурса? (На материале новых лайфстайл-медиа в сети Интернет) // *Слово.ру: балтийский акцент*. — 2023 — Т. 14. — № 1. — С. 107–125 (также индексируется в Scopus). (1,5 п.л.)

Монографии:

18. Молодыченко Е. Н. Публичная речь американского политика в аспекте перевода / Е. Н. Молодыченко // *Языковая личность переводчика: коллектив. моногр.* — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. — С. 249–265. (авт. вклад. — 1,1 п.л.)
19. Молодыченко Е. Н. Коммуникативно-прагматическое своеобразие публичной речи как персуазивного феномена в системе американского политического дискурса / Е. Н. Молодыченко // *Американистика: исторические и лингвистические перспективы*. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. — С. 32–47. (авт. вклад. — 2,5 п.л.)
20. Молодыченко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих» / Е. Н. Молодыченко // *История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих»*. — М.: Издательская группа URSS, 2018. (авт. вклад. — 6 п.л.)
21. Молодыченко Е. Н. Подходы к изучению идентичности: от социальной теории — к практике лингвистического анализа / Е. Н. Молодыченко // *Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования*. — Калининград: Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2022. — Гл. 1. С. 7–14. (авт. вклад. — 0,7 п.л.)

Другие издания:

22. Молодыченко Е. Н. Стратегия создания семантического поля врага в публичных речах Дж. Буша / Е. Н. Молодыченко // Язык и реальность: современные проблемы американистики и лингвистики: Материалы международной научно-практической конференции. — Архангельск: Поморский университет, 2009. — С.62–72. (0,6 п.л.)
23. Молодыченко Е. Н. «Свои» и «чужие» в дискурсе холодной войны: создание образа угрозы / Е. Н. Молодыченко // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты. Вып. 4. — Архангельск: Поморский университет, 2010. — С. 195–200. (0,3 п.л.)
24. Молодыченко Е. Н. Об особенностях текстовой актуализации образа врага в американском политическом дискурсе в период холодной войны / Е. Н. Молодыченко // Век информационных технологий: новые подходы в американистике, лингвистике и лингводидактике: Материалы международной научно-практической конференции. — Архангельск: Поморский университет, 2010. — С. 75–87. (0,8 п.л.)
25. Молодыченко Е. Н. Об особенностях актуализации семантической категории «круг чужих» в американском политическом дискурсе / Е. Н. Молодыченко // Язык, общество, коммуникация №1, 2010. ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова. — Ереван: Издательство «Лингва», 2010. — С. 65–78. (1,2 п.л.)
26. Молодыченко Е. Н. Фантомная угроза как тактика политического дискурса / Е. Н. Молодыченко // Дорогой Ломоносова: Материалы XI Ломоносовских научных чтений студентов, аспирантов и молодых ученых. — Архангельск: Поморский университет, 2011. — С. 159–164. (0,3 п.л.)
27. Молодыченко Е. Н. «Чужие» в американской лингвокультуре: лингвокультурные коды в моделировании образа врага / Е. Н. Молодыченко // Поликодовая коммуникация: лингвокультурные и дидактические аспекты: сборник научных статей. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. — С. 141–148. (0,5 п.л.)
28. Молодыченко Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности публичной речи политика в аспекте перевода / Е. Н. Молодыченко // М. В. Ломоносов и полиязыковое информационно-образовательное пространство: в 2 ч.: материалы междунар. научн. конф. (Архангельск, 15–16 ноября 2011 г.). — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. — С. 62–67. (0,3 п.л.)
29. Молодыченко Е. Н. Прототипический сценарий как средство речевого воздействия в политическом дискурсе / Е. Н. Молодыченко // Язык, общество, коммуникация №1(2). — ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова. Ереван: Издательство «Лингва», 2012. — С. 56–67. (0,9 п.л.)
30. Molodychenko E. N. Political myth and phantom enemy / E. N. Molodychenko // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2012. — No.4. — P. 56–62. (0,4 п.л.)
31. Molodychenko, Evgeni. “The threat is imminent” or how language contributes to construction of political myths // Мифы и реальность в теоретической и прикладной лингвистике: материалы междунар. конф. (Архангельск, 23–26 ноября 2010) — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. — P. 32–38. (0,4 п.л.)

32. Молодыченко Е. Н. Аксиологические основания политического дискурса / Е. Н. Молодыченко // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2015. — № 1(215). — С. 9–17. (0,8 п.л.)
33. Molodychenko E. N. Consumer Discourse and Ideology: Investigating the Role of Values and Evaluation in Online Men's Lifestyle Magazines / E. N. Molodychenko // Медиалингвистика. — 2015. — No. 4(10). — P. 7–16. (0,9 п.л.)
34. Молодыченко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа / Е. Н. Молодыченко // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 3. — С. 122–133. (0,7 п.л.)
35. Молодыченко Е. Н. Персуазивность или манипулятивность? Прагматическая интерпретация использования образа «чужого» в политическом дискурсе (на материале американской президентской риторики) / Е. Н. Молодыченко // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. Материалы Международной научной конференции. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018 — С. 178–181. (0.6 п.л.)
36. Молодыченко Е. Н. Лайфстайл-дискурс и дискурс консюмеризма: Ключевые лингвопрагматические характеристик / Е. Н. Молодыченко // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. — СПб: Издательство СПбПУ, 2018 — С. 19–21. (0.2 п.л.)
37. Молодыченко Е. Н. Создание образа «чужого» в американской президентской риторике как универсальный инструмент политической борьбы / Е. Н. Молодыченко // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог. Материалы Международной научно-практической конференции. — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2019. — С. 306–309. (0.2 п.л.)
38. Молодыченко Е. Н. Лайфстайл-жанр или лайфстайл-дискурс? Коммуникативно-прагматические особенности текстов лайфстайл-СМИ / Е. Н. Молодыченко // Англистика XXI века. Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. — СПб: «Университетские Образовательные Округа», 2019. — С. 355–358. (0.2 п.л.)
39. Молодыченко Е. Н. Метапрагматика и жанр: необходимый аналитический симбиоз в эру онлайн-медиа? / Е. Н. Молодыченко, Ю. Шпицмюллер // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. — М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020 — С. 149–156. (0.3 п.л. / авт. вклад — 0.2)
40. Молодыченко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыченко // Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. — М.: ЛЕНАНД, 2021. (авт. вклад. — 4 п.л.)
41. Молодыченко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива / Е. Н. Молодыченко // Terra Linguistica. — 2022. — № 13(2). — С. 11–29. (1,7 п.л.)